

СУДЬБА ТИГРА

КОЛЛИН ХОУК

Бестселлер «Нью-Йорк таймс»

Проклятие тигра

Коллин Хоук
Судьба тигра

«Mainstream (ACT)»

2012

Хоук К.

Судьба тигра / К. Хоук — «Mainstream (ACT)»,
2012 — (Проклятие тигра)

ISBN 978-5-17-087282-4

Честь. Жертва. Любовь. Для того чтобы разрушить проклятие тигра Келси, Рену и Кишану предстоит разгадать последнее пророчество Дурги. Жизненно опасные поиски таинственного подарка богини – самое сложное испытание, которое ждет героев на их тернистом пути.

ISBN 978-5-17-087282-4

© Хоук К., 2012
© Mainstream (ACT), 2012

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Коллин Хоук

Судьба тигра

© 2012 by Colleen Houck

© В. Максимова, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моему брату Джареду и его жене Сьюки, обеспечившим мне техподдержку, фан-поддержку, моральную поддержку, консультационную поддержку по всем вопросам военного дела, а самое главное – бесперебойную поддержку хорошего настроения!

ФЕНИКС ВОСКРЕСШИЙ

*Феникс, феникс златокрылый,
Огненной исполнен силой,
Что ты знаешь о грядущем,
О костре, тебя зовущем?*

*Ты рождаешься, мужаешь,
Крылья гордо расправляешь.
Вьешь гнездо, поешь и спишь,
В небе высоко паришь.*

*Слышишь ли в дыханье ветра
Тихий шепот страшной смерти?
Что ты знаешь, жизнь любя,
О костре, что ждет тебя?*

*Сожалеешь ли о прошлом?
Думаешь о невозможном?
Просишь чуда у судьбы
Иль смирился без борьбы?*

*Оперенье золотое
Станет пеплом и золою,
Пламя жадное пожрет
Все, в чем жизнь твоя живет.*

*Будешь корчиться, сгорая,
Будешь плакать, умирая.*

*Но бессильными слезами
Не погасишь это пламя.*

*А из смерти и страданий
Птица новая восстанет,
С новым телом и душой,
С новой огненной судьбой.*

*Новый феникс яркокрылый,
Знаешь ли, из чьей могилы
Ты поднялся, чтобы жить,
Чтобы в небесах парить?*

*Подставляя крылья ветру,
Скажешь ли спасибо пеплу?
Сможешь ли беспечно петь,
Если суждено сгореть?*

Коллин Хоук

Пролог

Время и место

В мгновение ока они канули в бездну, закружились в черном водовороте времени. Пролетали секунды. Проходили тысячелетия. Перемешивались и перестраивались атомы. Но вот луч света прорезал толщу космической пыли, а со светом пришло понимание.

Тяжким путем проб и ошибок он научился править вихревыми потоками и путешествовать сквозь время. Если он двигался слишком быстро, то попадал в неведомое будущее. Если отступал в прошлое чересчур поспешно, мир исчезал. Время требовало твердой руки и мастерского управления. Вначале он лихорадочно скакал по эпохам, словно камешек, пущенный по глади озера, но вскоре научился двигаться в такт с мирозданием и стал оттачивать движения, которые должны были привести его в нужные места.

Он окидывал взором столетия, как книги в своей библиотеке. А когда поиски подошли к концу, он узнал, где его место во вселенной и как лучше всего помочь тем, кого он любил.

Почувствовав, что она готова, он улыбнулся и взял ее за руку. Потом крепко прижал к себе и повел меж звезд, к началу конца и навстречу концу, что ведет к новому началу.

Глава 1

Загнанная

Меня качало на океанских волнах, и снилось, будто я плаваю рядом с огромным драконом, а тот лукаво мне подмигивает. Вот он всплеснул хвостом, и меня подбросило вверх. Я застонала и забилась, чьи-то грубые руки вцепились в меня, удержали на месте. Гул мотора сменился плеском волн, и начался другой сон. Я вдруг очутилась в густом лесу и отчетливо услышала мерный топот лап: сквозь зелень джунглей на меня мчался тигр.

Следом начались кошмары. Акулы в воде, пираты на борту «Дэчень», похищение головорезами Локеша...

Чей-то голос настойчиво шептал издали: «Проснись, Келси!»

Я сонно приоткрыла глаза и обнаружила, что лежу на огромной кровати с балдахином. «Ну конечно, это был просто кошмарный сон», – подумала я с облегчением.

В окошко над кроватью лился тихий свет вечернего солнца. Какое толстое оконное стекло, да еще с решетками, чтобы никто не забрался внутрь или не выбрался наружу...

– Нет! – выкрикнула я в пустоту.

Нет, это был совсем не сон!

Значит, нужно как можно скорее вспомнить все. Итак, я выполнила три задания, освобождая Рена и его брата Кишана от проклятия тигра. Чтобы окончательно снять проклятие, нам осталось разыскать последний дар Дурги. Мы плыли на корабле... потом вступили в битву с людьми Локеша. Дальше у меня в памяти начинались провалы. Кажется, меня трижды ужалило (дротики с транквилизаторами?), потом – моторная лодка... я опускаю Фаниндру с амулетом в воду... и наступает сплошная чернота.

Теперь я была заперта в незнакомой спальне, как узница в клетке. Я бросилась к двери, на всякий случай подергала ручку. Потом собрала внутреннюю энергию и подняла руку, чтобы взорвать замок, но ничего не получилось. Совсем ничего. В полной растерянности я машинально дотронулась рукой до черного жемчужного Ожерелья Дурги, все еще висевшего у меня на шее.

«Куда же подевалась моя сила? Где я? И где мои тигры – Рен и Кишан? Смогла ли Фаниндра найти их? Что случилось с мистером Кадамом и Нилимой? Они уже отправились спасать меня? Сколько еще мне тут томиться?»

Я попыталась трезво оценить свое положение. Итак, у меня осталось Ожерелье Дурги, Волшебный шарф по-прежнему был продернут вместо ремня в шлевки моих джинсов, но Золотой плод Индры исчез, как и лук со стрелами, подаренные мне Дургой. Я подавила невеселый смешок, сообразив, что при помощи оставшихся у меня даров могу изготовить сколько угодно тканей и жидкостей, вот только к чему они мне?

Потом я вспомнила еще кое-что и осторожно ощупала крохотный чип, который мистер Кадам так болезненно имплантировал мне между пальцами руки. Чип был на месте, что давало надежду на скорое прибытие спасательной экспедиции. Шанс, конечно, невелик, но все лучше, чем ничего!

Голова раскалывалась, рот словно ватой забило. Я попробовала сглотнуть, но только раскашлялась и почувствовала себя еще хуже.

«Соберись, Келси Хайес!» – мысленно прикрикнула я, чтобы заставить себя трезво оценить положение. Итак, за окном – деревья и снег; моя комната – этаже на третьем, не ниже. Кажется, вдалеке виднелись какие-то горы, но разве по таким скудным приметам можно определить свое местонахождение?

Тут к горлу у меня подкатила тошнота, и я бегом бросилась в ванную. Когда все закончилось, я прополоскала рот и посмотрела в зеркало. На меня глядела незнакомая женщина – сломленная, осунувшаяся и испуганная. «Куда подевалась та девушка из Орегона?»

И тут мои мысли прервал вкрадчивый бархатный голос. Я оцепенела. Это был голос моего похитителя, Локеша.

– Дорогая, будьте добры переодеться к ужину. Как вы уже могли убедиться, сбежать отсюда не получится, а оружие ваше я предусмотрительно изъял. Полагаю, нам пора снова посмотреть друг на друга. У меня есть для вас весьма соблазнительное предложение, моя дорогая Келси Хайес. Уверен, что вы уже созрели и готовы смириться со своей судьбой.

Я мысленно взвесила свои возможности. Прежде всего нужно выбраться из этой комнаты, чтобы разнюхать возможные пути к бегству. На данный момент мне виделось всего четыре выхода из ситуации: я спасаюсь бегством самостоятельно (возможно); меня освобождают Рен и Кишан; я погибаю (определенно, не самый приоритетный вариант) или же я становлюсь наложницей маньяка, что тоже не слишком заманчиво. Кроме того, необходимо каким-то образом вернуть Золотой плод и лук со стрелами. Дурга не зря предупреждала, что ее дары ни в коем случае не должны попасть в дурные руки, ибо последствия будут ужасающими. Прикусив губу, я всей душой понадеялась, что мне никогда не придется выбирать между спасением даров и собственной жизнью.

«Если выход из этой камеры лежит через ужин с дьяволом, значит, так тому и быть. До поры до времени я буду играть в его игру, но если мне суждено проиграть, то победа обойдется Локешу очень дорого!»

Какое-то шестое чувство подсказало мне, что роль трепетной пленной принцессы не принесет мне успеха. Чтобы победить Локеша в его игре, я должна притвориться полной противоположностью самой себе, то есть красивой, сильной и уверенной в себе женщиной.

Перерыв весь гардероб, я не нашла ничего, кроме узкого черного платья-футляра с глубоким декольте, поэтому решила пойти на небольшой риск. Тихим шепотом я попросила Шарф изготовить мне новую одежду, строго-настрого запретив фантазировать с цветом.

Вытащив из шкафа новенький наряд, я с восторгом рассмотрела его со всех сторон. Шарф соткал мне настоящую лехенга-чоли цвета кобальта с золотом. Тесная жаккардовая блуза чоли с короткими рукавами туго обтягивала талию, а столь же тесная юбка лехенга длинной до пола соблазнительно подчеркивала все изгибы моего тела. Цвета Рена и Кишана придавали мне столь необходимую сейчас храбрость, и я искренне надеялась, что это прекрасное платье поможет мне с блеском исполнить свою роль. Шарф даже расстарался и изготовил для меня изысканные длинные серьги из невесомой шелковой нити сапфирового цвета.

Не успела я переодеться, как дверь в мою комнату распахнулась, и я увидела на пороге высокого, худого и очень грозного на вид мужчину. Я стала умолять его выпустить меня, но он только покачал головой и произнес что-то на хинди. Быстро затолкав Шарф под рукав чоли, я призвала на помощь свой скудный запас индийских слов и повторила свою мольбу:

– *Трахи!* Помогите!

Но мужчина просто вывел меня из комнаты и повел по длинному коридору с зарешеченными окнами, толстым ковром и стенами, обшитыми деревянными панелями.

Мы прошли через несколько дверей, каждую из которых охраняли стражи. Когда очередная дверь захлопнулась и заперлась за моей спиной, я вдруг вспомнила, что точно так же держали Рена в цирке: коридоры и вереницы дверей, защищающих людей от свирепого тигра. Я тут же взяла себе на заметку: «Сбежать самостоятельно будет очень трудно, если вообще возможно. С другой стороны, Локеш явно полагает, что меня нужно очень строго охранять. Возможно, я сумею как-нибудь использовать это против него».

За последней дверью оказалась просторная столовая со столом, сервированным на две персоны. Слуга отодвинул мне стул, жестом пригласил сесть, после чего бесшумно удалился. В

ожидании я стала нервно крутить в руках нож для масла. В животе у меня бурлило от страха: я просто не понимала, как смогу выдержать с Локешем один на один. В нашем последнем путешествии за избавлением от проклятия Тигра мне пришлось сразиться с кракеном и с гигантской акулой. Но даже эти чудовища почему-то казались куда менее опасными, чем злодей, с которым мне предстояло встретиться теперь, – безжалостный изверг, триста лет назад превративший двух моих индийских принцев в тигров.

– Как мило, что вы приняли мое приглашение, – сказал Локеш, внезапно появившийся за столом напротив меня.

Он выглядел не таким, каким я запомнила его в последний раз. Гораздо моложе. Но я узнала злобное коварство, таившееся в глубине его черных глаз, поэтому была начеку. Локеш взял мою руку и небрежно коснулся ее губами.

– Вряд ли вы оставили мне выбор, – заметила я.

– И верно, не оставил. – Он улыбнулся и чуть сильнее стиснул мою кисть. – Правда, я не оставлял вам выбора и по поводу наряда к ужину, что не помешало вам одеться по своему вкусу, – добавил он. – Могу я поинтересоваться, где вы раздобыли такое чудо?

Ловким движением руки я накрыла нож салфеткой, сбросила себе на колени и незаметно сунула в карман юбки. Понадеявшись, что Локеш ничего не заметил, я надменно процедила:

– Как только вы откроете мне источник *своего* могущества, я с радостью научу вас создавать гардероб из воздуха.

Признаться, я почувствовала себя гораздо увереннее, обзаведшись каким-никаким оружием.

Как ни странно, Локеш рассмеялся.

– Ах, до чего приятно встретить женщину с характером! Пожалуй, на этот раз я спущу вам эту вольность. Но не советую впредь испытывать мое терпение.

Его улыбка превратилась в оскал. Вблизи Локеш оказался больше похожим на монголоида, чем на индийца. Его темные, коротко остриженные волосы были разделены прямым пробором и гладко зачесаны назад со лба – совсем не так, как у Рена, у которого непослушные прядки вечно падали на глаза.

Каждое движение чародея было строго рассчитано, напряженные спина и плечи выдавали чудовищный уровень самоконтроля. Я просто не узнавала его: он стал поджарым и мускулистым, гораздо более красивым. Можно сказать, он был ослепителен. Но я знала, что под этой маской таится безумие, а прекрасные черты лица отмечены печатью зла.

Принесли еду, и наши тарелки быстро наполнились ароматными индийскими блюдами. Слуги делали свое дело умело и абсолютно бесшумно. Я поковыряла вилок в тарелке, тщетно пытаюсь пробудить в себе аппетит.

– Вы используете магию, чтобы выглядеть моложе? – осторожно спросила я.

Черные глаза колдуна еще больше потемнели, однако он улыбнулся.

– О да. Разве вы не находите меня красивым? Разве вам не приятнее видеть перед собой человека, близкого вам по возрасту?

Как ни странно, в этом он был прав, но я пожала плечами.

– Мне неприятно видеть вас в любом обличье. Просто интересно – к чему все эти ухищрения? Странно, что вы не держите меня в подвале на цепи и не готовите вкручивать мне шурупы в пальцы!

Над столом полыхнула ярко-голубая вспышка, и я невольно подняла глаза к потолку. Но если там что-то и было, оно уже исчезло. Зато Локеш нахмурился и потер пальцы.

– Вы предпочитаете посидеть в подвале на цепи? – поинтересовался он с какой-то отвратительно развязной улыбочкой.

– Нет, просто интересуюсь. Чем я заслужила такое особое обращение?

– Вы заслуживаете особого обращения, ибо вы особенная, Келси. Сегодня вечером вы продемонстрировали, что и сами обладаете некими тайными силами, и я предпочитаю не подавлять их. – Он сокрушенно поцокал языком. – Мне кажется, что вы меня совсем не понимаете. Не сомневаюсь, что меня намеренно очернили в ваших глазах. Теперь, когда у вас появилась возможность узнать меня получше, вы, вне всякого сомнения, поймете, что мне совсем не трудно угодить.

Я подалась вперед, увидев шанс сделать выпад.

– Вряд ли Рен мог бы подписаться под вашими словами!

Локеш с грохотом отбросил вилку, но тут же подавил свой гнев.

– *Принц* перечил мне во всем и при любой возможности. Вот почему с ним обращались столь... сурово. Но я надеюсь, что вы проявите большую покладистость.

Я откашлялась.

– Полагаю, это зависит от того, чего вы от меня хотите.

Локеш отпил глоток из своего бокала, не сводя с меня пристального взгляда.

– Все, чего я хочу, моя дорогая, – это показать вам, что представляет собой человек, наделенный подлинным могуществом. С вашей стороны было бы чудовищной ошибкой продолжать поддерживать тигров. В отличие от нас с вами, они не обладают истинной силой. Подумайте сами – даже собственный амулет проклял их! Он с самого начала предназначался не для них. Мне и только мне было предопределено собрать воедино все фрагменты амулета. Я – тот, кого призывает амулет Дамона!

Я прижала салфетку к губам, чтобы потянуть время: в голове у меня начал складываться безумный план. «Если ему и вправду нужен сильный противник, он его получит. Кажется, пришло время применить то, чему меня учили в классе драмы! Итак, акт первый: ужин с загадочной девицей, обладающей не менее загадочными суперспособностями, отвратительным характером и стальными нервами. Ваш выход, Келси Хайес...»

– Как вам, несомненно, уже известно, у меня больше нет фрагмента амулета. Так что если вы рассчитываете лестью выманить у меня мое сокровище, то, боюсь, вас ждет жестокое разочарование.

– О да, вероятно, ваш амулет сейчас в руках у ваших драгоценных тигров. Надеюсь, они принесут его с собой, когда явятся сюда спасать вас.

Я слегка опешила от таких слов, однако смогла быстро взять себя в руки.

– С чего вы взяли, что они придут за мной?

– Бросьте, дорогая! Разве я не видел, как они на вас смотрят? О, вы покорили их обоих даже сильнее, чем моя красавица Джесубай. Пусть вы не столь красивы, как она, зато из ваших глаз смотрят отвага и сила. Полагаю, Дирен сумел выдержать мои специфические методы дознания только потому, что страстно хотел вернуться к вам. Оба ваших царственных тигренка раздавлены любовью к вам. И эта любовь сделала их слабыми и глупыми.

«Да ничего подобного!» – крикнула я про себя. И улыбнулась Локешу самодовольной жеманной улыбкой.

– Не боитесь угодить в ту же ловушку? – с угрозой спросила я.

– Вы хотите сказать, что обманом завлекли обоих принцев? – сощурился Локеш. – Если да, то вы достойны еще большего восхищения!

Притворство постепенно придало мне храбрости, и было уже не так жутко, как поначалу. Страх съезился в комочек на дне живота, такой маленький, что его вполне можно было терпеть. Я намеренно медленно облизнула губы, пытаясь отвлечь своего врага.

– Мудрая женщина использует все имеющиеся средства, чтобы достичь того, чего она желает.

Локеш сощурился, приняв мою подачу.

– И чего желаете *вы*, Келси?

Я гортанно расхохоталась на манер дерзкой Скарлетт О'Хары.

– Вы же не думаете, что я раскрою все свои секреты за нашим первым ужином? О нет, я не столь проста... Однако... однако вы можете выложить карты на стол. Итак, чего вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы оставили тигров и стали моей союзницей.

– Как это? – переспросила я, изо всех сил стараясь не передернуться от отвращения.

Внезапно я почувствовала какое-то странное покалывание под кожей. Ощущение было не болезненное, скорее интимное и очень бесцеремонное. Вот легкий ветерок скользнул по моим голым рукам, зашекотал горло. Невидимые пальцы погладили мою шею, зарылись в волосы, легонько прошлись по ключицам. Локеш даже не шевельнулся, но я знала, что это его проделки. И постаралась, как смогла, не подавать виду.

Чародей наклонился над столом и многозначительно усмехнулся.

– Моя дорогая, цель у меня двойная и двуединая. Разумеется, мне очень приятно похитить вас у принцев. Мне доставляет огромное удовольствие представлять, в каком они пребывают отчаянии. Но моя настоящая цель в том, чтобы обеспечить подлинное слияние наших с вами сил и закрепить его... рождением сына.

– Сына? – медленно повторила я, хотя желудок у меня так и подпрыгнул к горлу. – От меня? Простите мое любопытство, но почему вы озаботились этим только сейчас? Не могу поверить, что за все это время Локеш-Клайд не нашел себе Бонни, а Локеш-Гомес – свою Мортишу! Неужели вы настолько пресытились любовью матери Джесубай, что не искали новых уз?

– Мать Джесубай была жалкой дурой, – прошипел Локеш. – Красива, как богиня, но робела передо мной, как овца. Она не была мне ровней!

– Но это все равно не помешало вам ее убить?

На этот раз Локеш даже не подумал скрывать свой гнев: синие искры так и посыпались у него с кончиков пальцев.

– Осторожнее, – предупредила я. – Если вы будете демонстрировать мне свою силу, я покажу вам мою, и наша очаровательная беседа будет безнадежно испорчена.

Он на миг прикрыл глаза, чтобы справиться с собой.

– Допустим, я соглашусь на ваше предложение, разделю с вами свою власть и даже подарю вам наследника. Но что я получу взамен? Когда-то вы сказали, что, если я добровольно предамся вам, вы сохраните жизнь тиграм. Это так? Вы готовы сдержать свое слово?

– Простите, мне нужно нечто гораздо более весомое, нежели слова.

«Так, пришло время второго акта: загадочная девица пускает пыль в глаза». Я вытащила из рукава Шарф и, зажав ткань в ладони, попросила изменить ее цвет. Шарф повиновался: сначала покраснел, а когда я прижала его к щеке, немедленно стал небесно-синим. Локеш смотрел как замороженный. Я приподняла бровь: и Шарф тут же принялся быстро-быстро ткать нити через всю комнату, выплетая огромную сеть. В следующее мгновение он съежился до размера белоснежного носового платочка, который я аккуратно свернула и положила рядом со своей тарелкой.

– Что если я поделюсь с вами *этой* силой? – небрежно поинтересовалась я.

Но если Локеш и был впечатлен, то всего на долю мгновения. Он сощурил свои черные глаза, швырнул свою салфетку на тарелку, встал и подошел ко мне. Грубо вывернув мне запястье, он рывком поднял меня со стула и осклабился, увидев, как мое лицо исказилось от ужаса.

– Я соглашусь сохранить тиграм жизнь, если вы добровольно сделаете все, чего я хочу.

Подкрепляя свои слова делом, Локеш погладил меня по щеке и горячо прошептал на ухо:

– Ах, Келси, скажите мне, что вас забавляет? И что, – тут он тяжело задышал, – что вас пугает, дорогая моя?

Я не ответила. Локеш тихонько рассмеялся, потом грубо привлек меня к себе и стал целовать с жадностью, больно кусая мои губы. Когда он наконец меня отпустил, я вытерла распухшие губы большим пальцем и гневно уставилась на Локеша.

Он радостно расхохотался прямо мне в лицо.

– Ого, какой отпор! Я уже вижу, что вы доставите мне огромное удовольствие, Келси.

– Рада, что вы в этом так уверены, – рявкнула я: страх уже уступил место гневу.

– Видите ли, дорогая, ваши тигры меня совершенно не интересуют, мне нужны только их амулеты. Если вы подарите мне сына и поможете обрести власть, к которой я стремлюсь, то я сохраню тиграм жизнь. А теперь, когда вы выслушали мои условия, я вас провожу в вашу комнату, чтобы вы могли хорошенько подумать. Я с нетерпением жду возможности узнать вас поближе, – добавил он с такой улыбкой, от которой меня бросило в дрожь.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, я схватила со стола Шарф, осторожно сунула руку в карман с ножом и позволила Локешу проводить меня в мою темницу.

– Завтра мы с вами еще побеседуем о нашем партнерстве, – прошептал Локеш мне на ухо. – А сейчас, будьте добры, верните нож, который вы взяли со стола.

Этот приказ застал меня врасплох, но я постаралась не подать виду. С усилием улыбнувшись, я вытащила из кармана нож для масла и игриво приставила его к груди Локеша.

– Надеюсь, вы не будете строго судить девушку за попытку?

Мне показалось, будто мои слова ему польстили. Но я ошиблась. Схватив меня за кисть, Локеш грубо вырвал нож, полоснув лезвием по моей ладони. Увидев кровь, он поднес мою порезанную руку к губам. Я содрогнулась, когда он с гнусным удовольствием поцеловал мою ладонь и облизнул со своих губ кровавые капли.

Наконец он отпустил меня, пригрозив напоследок:

– Я буду пристально следить за каждым вашим ходом, моя дорогая. Я с нетерпением жду наших будущих... переговоров.

Дверь за моей спиной захлопнулась. Услышав, как лязгнул замок, я даже обрадовалась, что нас разделяют десятки толстых металлических прутьев.

«Занавес», – мрачно подумала я и упала на постель, чувствуя себя выжатой до капли. Как же я смогу выбраться из этой передраги?

Глава 2

Торг

На следующий день Локеш стал еще настойчивее, а я еще сильнее устала от нашего рискованного словесного танца. Нет, у меня уже не оставалось никаких иллюзий. Я знала, что, даже если Локеш сохранит мне жизнь до появления ребенка, он ни за что не позволит мне воспитать его.

Днем меня выпускали из комнаты, но только в сопровождении стража или самого Локеша. Иными словами, я была заточена в темнице, да еще весьма унылой с виду. Ни одна картина не украшала голые стены, а скудная мебель, вся как на подбор, была очень дорогой и неподъемно тяжелой. Но, самое главное, мне так и не удалось заметить ни единой двери, ведущей наружу.

Во время прогулок Локеш обычно ограничивался щипками и пожатиями, от которых у меня оставались синяки. Каждый раз, когда он хватал меня за руку или притягивал к себе, я закрывала глаза, вспоминала, как Локеш пытал Рена и ломал ему пальцы на руках, и говорила себе, что мне еще очень-очень повезло.

Чтобы хоть ненадолго отвлечь своего мучителя, я демонстрировала ему свои «силы». При помощи Шарфа я сначала создала точную копию амулета, только шелковую, потом изготовила расшитый золотом кафтан, а после попросила Ожерелье наполнить водой пустой стакан. Поначалу Локеш радовался этим чудесам, но очень быстро они ему прискучили. Было очевидно, что он начал терять терпение.

Однажды за ужином я с тоской подумала о Золотом плоде и в который раз пожалела, что у меня его отняли. Но лишь только я вспомнила о знаменитых золотистых оладушках мистера Кадама, как передо мной вдруг возникла полная тарелка горячих блинчиков с ягодами и взбитыми сливками.

Я быстро обшарила глазами комнату, пытаюсь угадать, где находится тайник. «Золотой плод где-то здесь!»

Локеш вскочил со своего стула.

– Что это? Еще одна ваша волшебная сила?

– Да, – ответила я, подняв на него глаза. – Я умею создавать любую еду и любые напитки, какие только пожелаю.

Дальше все произошло так быстро, что я даже опомниться не успела. Локеш наотмашь ударил меня по лицу и рывком поднял мою голову за подбородок, больно вывернув шею.

– Нужно было сказать мне об этом раньше, кошечка моя. Никогда больше не смей мне лгать, – прошипел он.

Слеза скатилась по моей щеке. Я стиснула зубы, трясаясь от бешенства. Что я могла сделать с Локешем? Я перебрала в уме десятки вариантов, но ни один из них, к сожалению, не был смертельным. А значит, любые мои попытки только разозлили бы его еще сильнее.

Щека горела огнем и зудела в месте удара, но я не стала дотрагиваться до нее, чтобы не показывать, как мне больно. Вместо этого я решила сменить тему, чтобы дать Локешу успокоиться. Предположив, что такой маньяк, как Локеш, наверняка обожает поговорить о себе, я откинулась на спинку стула, отпила глоток воды и спросила:

– Не расскажете ли вы мне о своем прошлом? Если у нас будет сын, он должен знать свое происхождение. Скажем, с моей стороны он будет наполовину американцем.

– Я предпочту как можно быстрее забыть об этом факте.

– Что ж, если вам не нравится мое происхождение, давайте поговорим о *вашем*. Разве вы не гордитесь своей историей и не хотите передать ее своему наследнику?

Локеш стиснул зубы, и алые пятна гнева вновь выступили на его лице.

– Никто не посмеет хоть словом упрекнуть моего сына за мое прошлое!

Я приподняла бровь.

– Прекрасно. Так расскажите мне.

Несколько секунд Локеш пылливо сверлил меня взглядом, потом сел на свое место и неторопливо начал.

– Я был старшим и незаконным сыном императора Шу в эпоху Троецарствия. Моя мать была юной индийской рабыней, которую захватили вместе с караваном в 250 году до нашей эры. Она была так красива, что император взял ее себе. Через год после того как я родился, моя мать покончила с собой.

– То есть вашим отцом был император?

– Да, – глумливо осклабился Локеш. – В жилах нашего сына будет течь голубая царская кровь.

– И каково это было? Растить сыном императора?

– Мой отец проявил необычную для того времени доброту, взяв меня под свое крыло и обучив всему, что нужно знать о власти. Он говорил, что подлинный владыка слушает только самого себя, – ибо не может доверять никому; берет все, что пожелает, – ибо никто все равно не отдаст ему этого добровольно; и, наконец, пускает в ход оружие, которое другие страшатся применять. Долгие годы я внимательно впитывал отцовский опыт и в конце концов прекрасно усвоил его уроки. У отца был фрагмент амулета, и он открыл мне его силу.

Я моргнула и отложила вилку, забыв о прекрасных блинчиках.

– Отец сказал мне, что я смогу воспользоваться силой амулета только в том случае, если он умрет, не оставив законного наследника. С того самого дня, когда я узнал о существовании бесценного сокровища, я жаждал только одного – обладать им.

Я был еще ребенком, когда на наши земли пришла война, и поначалу мы терпели поражение за поражением. Когда положение стало безнадежным, мой отец попытался оттянуть неизбежный конец, вступив в переговоры с варварами. Он сказал предводителю варваров, что готов взять в жены его несовершеннолетнюю дочь. Этим браком отец надеялся спасти свою империю. Но я расценил его поведение как предательство. Отец, которого я считал истинным владыкой, оказался трусом и слабаком. Он перестал быть тем, кто вселяет ужас в сердца людей. И я перестал его уважать.

Юная жена родила моему отцу сына, а когда мальчик подрос, отец отдалил меня от себя. Я перестал его интересоваться. Он больше не делился со мной своими мыслями и планами. Путь к императорскому трону был для меня закрыт. Но отец плохо меня знал. Он и подумать не мог, что я поклялся убить и его, и моего сводного брата!

Мне было семнадцать лет, а моему брату исполнилось семь, когда я взял его с собой на охоту. Отпустив стражей, мы поскакали по следу оленя. Столкнуть мальчишку с седла было проще простого. Затем я пересел на коня брата и несколько раз проскакал по его телу, пока не убедился, что дело сделано. После этого я убил коня и принес изуродованное тело брата своему отцу.

Я сказал императору, что лошадь моего брата вдруг взбесилась, сбросила мальчика наземь и топтала, пока тот не умер. Чтобы утешить отца, я сказал ему, что проклятое животное погибло от моей руки. То, что он так легко проглотил мою ложь, лишь доказало мне, каким слабым он стал.

Еще через несколько месяцев я всадил кинжал меж ребер своего спящего отца и забрал его амулет. Он даже не проснулся. Взойдя на престол, я первым делом приказал убить дикарку – жену моего отца – и забрал императорские перстни. Их было два: один носил мой отец, а второй, который император пожаловал своему законному сыну сразу после его рождения, временно носила дикарка. Это был символ императорской власти.

Локеш покрутил кольцо, сверкавшее на его указательном пальце.

– Вот это – символ империи Шу, – он пошевелил своим розовым пальцем, – а это – перстень наследника. Тот самый, который принадлежал моему сводному братцу.

С трудом подавив отвращение, я спросила:

– Долго ли вы пробыли императором?

– Совсем недолго. Из-за слабости моего отца мятежные соседи начали совершать набеги на нашу землю. Признаться, меня не слишком привлекала проза императорского правления, поэтому, когда мои армии трусливо побежали, я просто покинул столицу. К тому времени меня уже интересовали только недостающие фрагменты амулета.

– Значит, ваше долголетие объясняется воздействием амулета?

– Им, а также толикой черной магии, которой я обучился за эти годы.

– Понятно. Но каким образом вам...

Но Локеш не дал мне закончить.

– Довольно! Теперь моя очередь задавать вопросы. Я хочу, чтобы вы показали мне, как действует ваше оружие.

– Оружие? – нерешительно переспросила я.

– Я говорю о золотом луке и стрелах.

Я медленно скомкала салфетку во внезапно вспотевших ладонях. «Значит, лук и стрелы Дурги тоже где-то здесь!»

– Хорошо, – покорно согласилась я.

Локеш задумчиво потер подбородок и вызвал стража. Я стала считать про себя, чтобы выяснить, как далеко хранится мое оружие. Прошло примерно шестьдесят секунд.

Когда оружие доставили, я быстро наложила стрелу на тетиву, но Локеш угрожающе обронил:

– Даже не пытайтесь использовать оружие против меня. Я отражал ваши стрелы раньше и без труда сделаю это теперь.

Подумав, я признала, что он прав. Я нацелилась в мраморную статую, стоявшую в дальнем конце комнаты, и с удовлетворением всадила в нее стрелу.

– Это подарок богини Дурги, – объяснила я. – Колчан пополняется сам собой, а стрелы волшебным образом исчезают из пронзенных мишеней, так что их невозможно ни забрать, ни отследить.

– Любопытно.

Локеш осмотрел мишень и попросил меня повторить представление.

На этот раз я попыталась подзарядить стрелу силой молний, чтобы получилось более зрелищно. Моя рука послушно засияла, но почти сразу же свет начал тускнеть. «Значит, сила молний ко мне до сих пор не вернулась».

Локеш, словно замороженный, уставился на мою светящуюся руку.

Я наспех придумала неуклюжую отговорку:

– Когда я выпускаю стрелу, у меня светится рука. Наверное, это как-то помогает прицеливаться.

– Еще любопытнее. А теперь расскажите мне, как вы стали обладательницей вот этого предмета. – С этими словами Локеш выложил на стол Золотой плод.

Я отложила лук со стрелами и рассказала ему о затерянном городе Кишкиндха. Я не стала скрывать, что Дурга велела нам разыскать четыре волшебных предмета и пообещала за это вернуть моим тиграм человеческий облик. Однако я не рассказала Локешу всей правды и не стала вдаваться в подробности, решив, что чем меньше он знает, тем лучше для всех нас.

– А вам-то какая разница, останутся мальчишки тиграми или нет?

– Как только я по достоинству оценила первые дары Дурги, то захотела получить все остальные, – легко солгала я, решив сыграть на алчности Локеша.

Он задумчиво кивнул, катая в ладонях Золотой плод.

– Возможно, мы с вами вместе завершим поиски и поднесем Дурге ее дары. Думаю, взамен она наградит нас властью, которой вы так жаждете.

Я улыбнулась. «Кажется, мой безумный план все-таки работает!»

– Я... я почти за честь разделить благословение Дурги с вами.

Локеш снова позвал слугу и велел ему унести Золотой плод и лук со стрелами. Поддавшись внезапному порыву, я приказала Шарфу привязать к луку невидимую нить и протянуть ее до того места, где прячут мои сокровища. Второй конец нити я попросила обмотать вокруг статуи и как следует спрятать в ворсе ковра.

А потом, воодушевленная собственной смелостью, я решила пойти на новый риск.

– Я показала вам часть своих сил. Почему бы теперь и вам, в свою очередь...

Не успела я договорить, как ледяной холод сковал мое тело, и я застыла на стуле, не в силах ни пошевелиться, ни позвать на помощь.

Локеш подошел ко мне и с коварной улыбкой погладил по щеке.

– Действительно, вы великодушно поделились со мной частью своих способностей. Пожалуй, будет справедливо, если я отвечу вам тем же.

Локеш разорвал платье на моем плече и с рычанием стал покрывать поцелуями мою шею и оледеневшие губы. Он грубо шарил руками по моей спине, зарывался пальцами в волосы. Если бы не паралич, меня бы точно вырвало. Но я могла только вдыхать запах его теплого,пряного дыхания.

Наконец Локеш выпрямился. Он слегка задыхался, глаза его блеснули от животного удовольствия. Не торопясь, он провел рукой по моим ключицам, потерев лоскуты разорванного на плече платья. Потом прошептал:

– На этот раз вы очень меня порадовали, Келси.

Колдун запечатлел последний поцелуй на моей шее и с улыбкой вернулся на свое место.

– Если бы я захотел, то мог бы в одну секунду заморозить вас насмерть, – добавил он с нескрываемым удовольствием. – Сейчас вы можете дышать только потому, что я не стал отключать ваши легкие и сердечно-сосудистую систему. – Он взял меня за подбородок чуть ли не с нежностью и заглянул в глаза. – Что скажете, убедительная демонстрация?

Он убрал руку, и я поняла, что снова могу шевелиться. Плечо горело. Я подтянула платье, кое-как прикрыв плечо и кивнула, с усилием сглотнув.

– Весьма.

– У вас еще остались вопросы? – поинтересовался Локеш.

– Я подумаю, – процедила я, всеми силами пытаюсь унять дрожь в руках и ногах. Похоже, я все-таки ошиблась в своих расчетах. Я надеялась, что Локеш раскроет свои карты и я смогу угадать его слабые места, но к *такому* ответу я оказалась не готова.

Локеш подошел к камину и подбросил дров в камин. С веселым треском заплясало пламя. Я сидела и радовалась, что колдун хоть немного отошел от меня.

Чтобы выиграть время и прийти в себя, я рассказала Локешу обо всех остальных заданиях Дурги, ни словом не обмолвившись о настоящих наградах богини. Больше всего Локеша заинтересовали сокровища золотого дракона. Я поделилась с ним теорией мистера Кадама, который предположил, что дары были некогда украдены у Дурги и она хочет вернуть их.

– Сколько лет вашему Кадаму? Мне известно, что он носит на себе еще один фрагмент амулета, – перебил Локеш.

– Он на несколько лет старше Рена и Кишана, – ответила я и осторожно спросила, надеясь выведать какие-нибудь дополнительные сведения об амулете: – Скажите, а как вам удастся выглядеть таким молодым? Это все благодаря амулету?

– Отчасти. Я догадался, что амулет продлевает жизнь, вскоре после того, как разыскал второй фрагмент. Обычно я выгляжу лет на пятьдесят, но могу по собственному желанию изменять свой облик и выбирать себе тот возраст, который более полезен для поставленной цели.

– Я знаю, что амулет не позволяет мистериу Кадаму стареть, но он, в отличие от вас, не умеет выглядеть моложе своего возраста, – заметила я, стараясь не отходить далеко от темы амулета.

– У вашего Кадама всего один фрагмент. К тому же его предки никогда не владели амулетом, – процедил Локеш.

– Разве это имеет значение?

– Чем больше фрагментов, тем больше сила, – пояснил он. – Потомки людей, носивших амулеты, живут очень долго, даже если сами никогда не владели сокровищем.

«Нужно во что бы то ни стало разузнать обо всем этом побольше! Похоже, это единственный способ решить нашу задачу».

– Да, мистер Кадам упоминал, что его дети и внуки жили дольше, чем обычные люди. Но почему тогда Рен и Кишан прожили так долго, хотя не носили частиц амулета?

– Потому, что амулет проклял их. Бросив мне вызов, они столетиями мучились в зверином обличье!

«Ага, значит, проклятие! – Я прикусила губу, пытаюсь вспомнить все, что мы узнали в ходе наших странствий. – Что же все-таки защищает Рена и Кишана? Амулет или что-то другое? Мне нужно это знать!»

– Я правильно понимаю, что вы до сих пор храните привязанность к этим хищникам, дорогая?

– О нет! Но меня беспокоит то, что они могут вернуться и отнять ваши фрагменты амулета, – солгала я, изобразив на лице крайнюю озабоченность.

– Не паникуйте, радость моя. Если они вернуться, мы сплетем для них клетку из ваших волшебных нитей, – усмехнулся Локеш. – Кроме того, я знаю о могуществе амулета гораздо больше, чем ваши мальчишки.

Я изобразила застенчивую улыбку и с трудом пробормотала непослушными губами:

– Могу я спросить, как вам удалось разыскать фрагменты амулета, мой... господин? Простите, если я опережаю события, называя вас так, но ведь вы были императором, а значит, я должна обращаться к вам в соответствии с этикетом.

Несколько секунд Локеш с улыбкой разглядывал меня, а потом произнес:

– Много лет я провел в странствиях, расспрашивая монахов, ученых и царственных особ, собирая по крупицам сведения о великой битве, в которой объединились враждующие царства Азии. В то же время я занялся изучением черной магии и колдовства. Я разыскивал людей, считавшихся темными чародеями. Я прилежно учился всему, чему они готовы были меня научить, и силой вытягивал из них то, что они предпочитали скрыть. Многие пути заводили в тупик, многие нити обрывались. Но постепенно, одну за другой, я разыскал все пять частей амулета. Рен и Кишан оказались последними фрагментами моей головоломки. Даже сейчас у меня кровь вскипает при мысли о том, что они ускользают от меня так долго!

– Почему же вы не убили их в самом начале? – невинно поинтересовалась я.

Локеш сел.

– Хороший вопрос. Если ответить на него кратко, то скажем так: я хотел растянуть удовольствие. Когда я впервые узнал о семействе раджи Раджарама, Дирену было пять лет, а Кишану – четыре. Их родители – сам раджа и его жена, царица Дэчень, – никогда не носили амулеты на людях. Кроме того, они окружили себя и своих сыновей возмутительно преданной стражей, которая не позволила бы никому тайно проникнуть во дворец и подобраться к семейству поближе. Несколько месяцев я следил за семьей Раджарама и собирал все сведения о ней.

Именно тогда я впервые оценил Дэчень. Она принимала участие во всех правительственных делах. Она была умна, прекрасна собой и обладала восхитительным сочетанием силы и нежности. Нужно было быть полным глупцом, чтобы не увидеть: сыновья такой матери со временем станут великими правителями. Чуть позже я с удивлением понял, что желаю завладеть не только амулетами, но и самой Дэчень, чтобы обзавестись собственными сильными сыновьями!

Притворившись богатым купцом, я появился в царстве Бхирнам, граничившем с царством Раджарама, и создал себе такую репутацию, что очень скоро стал советником царя, а после этого, традиционным путем интриг, предательств, лжи и обмана, сумел возглавить царскую армию. Я грабил казну, выжимал деньги из народа и делал все, чтобы ослабить государство. А помимо этого я посылал своих лазутчиков в земли Раджарама.

Как-то раз один купец предложил мне свою дочь в качестве взятки за выгодное соглашение. Она была прелестна: высокая, стройная и совсем юная. А еще у нее были сказочные фиалковые глаза...

– Это была мать Джесубай!

Локеш кивнул.

– Через какое-то время она сообщила мне, что беременна, и я обрадовался. Я мечтал о сильном наследнике, похожем на Дирена, только с фиалковыми глазами. Я баловал и нежил свою подругу...

Я подавила дрожь отвращения, пробравшую меня при мысли о том, что он вкладывал в эти слова.

– ... я взял ее в жены почти сразу после того, как узнал о ее беременности. В ту ночь, когда она родила Джесубай, я взял ребенка на руки. Глаза у малышки и в самом деле были фиолетовые, но через несколько секунд я понял, что держу на руках девочку. Я положил ребенка в колыбель. Я был в бешенстве. Я хотел сына, а получил никчемную девчонку! И кто после этого посмеет упрекнуть меня за то, что я без тени жалости задушил свою жену?

Я слотнула, думая о бедной девушке, чью судьбу мне, вероятно, предстояло разделить.

– Как звали вашу жену? – тихо спросила я.

– Джувакши. – Локеш поцокал языком. – Ну-ну. Вижу, о чем вы думаете. Дорогая, это случилось несколько сотен лет назад. Даю слово, что с тех пор я пересмотрел свое отношение к женщинам... по крайней мере, отчасти. Учтите, что вы представляете для меня куда большую ценность, чем бедняжка Джувакши, и к тому же я тогда совершенно не умел сдерживать свой гнев. Если наш с вами первенец окажется девочкой, мы просто избавимся от нее и попробуем еще разок.

Я задержала дыхание, пытаясь превратить гримасу ужаса в улыбку.

– Да, конечно. Я несколько об этом не беспокоюсь, – выдавила я. Заметив огонек, вспыхнувший в глазах Локеша, я нервно откашлялась и продолжила: – Значит, потом вы решили использовать Джесубай, чтобы с ее помощью проникнуть в царство Раджарама?

– Вы чрезвычайно умны, дорогая, – осклабился Локеш, продолжая бесцеремонно разглядывать меня. – Джесубай с ранних лет научилась подчиняться мне беспрекословно. Она выросла красавицей, вся в мать. Когда ей исполнилось шестнадцать, я наконец прикончил старого раджу и занял его трон. Затем я предпринял несколько военных походов на царство Раджарама и попытался взять его дворец, но все безуспешно. Войско у Раджарама было сильнее моего, я не мог с ним тягаться. Тогда я обратился к языку дипломатии и вступил в переговоры с отцом Рена и Кишана. Так я добился права входа во дворец Раджарама, однако всякий раз, как я появлялся там, один из принцев отсутствовал.

Джесубай рассказала мне, что видела амулет на шее младшего сына Раджарама. Чтобы застать обоих принцев во дворце, я затеял переговоры о женитьбе Джесубай на Дирене, но на самом деле я предполагал выдать мою послушную крошку за того из братьев, кого она сможет

успешнее обвести вокруг пальца. После этого я рассчитывал без лишней спешки прикончить второго брата вместе с его отцом и забрать себе Дэчень и амулеты. Приручить Дирена моя маленькая Джесубай так и не сумела, но его брат Кишан не устоял перед ее прекрасными глазками.

Я вспомнила, как Кишан рассказывал мне о Джесубай. Неужели эта девушка была настолько расчетливой и бессердечной? Нет, пожалуй, не стоит судить ее слишком строго. Что бы она ни чувствовала и что бы ни делала, она в любом случае не заслуживала такой жизни.

– Значит, на самом деле вы не хотели убивать Рена, когда превратили его с Кишаном в тигров? – спросила я, пытаюсь понять, в чем же все-таки состояла суть проклятия.

– Нет. Я хотел всего лишь использовать его. Держать на цепи, мучить. Медленно довести до смерти. Я собирался управлять им при помощи магии крови. Я купил медальон у одного жреца черной магии и успешно опробовал его на нескольких жертвах. Все они становились моими покорными слугами, готовыми исполнить любое приказание.

Но на Дирена и Кишана магия не подействовала. Видимо, частицы амулета, которые они носили, каким-то образом отразили чары, но не полностью, и в результате принцы превратились в тигров. Как видите, это не я навлек на ваших друзей проклятие тигра. Теперь-то я понимаю, что следовало убить Дирена сразу же, как только он попал ко мне в руки, но в тот момент казалось, что я одержал полную победу. К сожалению, это было не так.

Локеш взял мою руку, широким жестом поднес к своим губам и грубо поцеловал: видимо, так он представлял себе ласку. Но тотчас же черные глаза колдуна зловеще вспыхнули, он впился взглядом в мое лицо и произнес слова, от которых у меня кровь застыла в жилах.

– Время пришло, кошечка моя. Итак, готовы ли вы добровольно предаться мне в обмен на сохранение жизни тигров?

Глава 3

Вынужденный брак

Я судорожно сглотнула. Честно говоря, я планировала «добровольно предаться» только тому, кого полюблю всем сердцем и кто будет любить меня. Совсем недавно у меня был роскошный выбор между Реном и Кишаном. Да, я выбрала Кишана, но теперь это было совершенно неважно. Потому что сейчас у меня вообще не оставалось выбора. Если я откажусь от участия в планах Локеша, мы все умрем.

Понимая, что ничего не напишешь, я выдавила улыбку и ответила:

– Да, я решила принять ваше предложение. У зрелых мужчин есть определенные преимущества. Не говоря о том, что ваше могущество весьма... захватывает. – Запаниковав, но изо всех сил пытаюсь скрыть это, я робко добавила: – Только... с одним условием.

Глаза Локеша нетерпеливо сверкнули.

– Что за условие?

Я запнулась, лихорадочно соображая, как бы отбить у него охоту связываться со мной, и ответ пришел сам собой.

– Мои родители погибли, когда я была маленькой, и с тех пор я жила одна, – жалобно сказала я. – Мне бы не хотелось, чтобы моему сыну выпала такая же участь.

– Этому не бывать. – Локеш снова поднес мою руку к губам и бесцеремонно чмокнул. – Я намереваюсь лично посвятить своего сына во все тонкости колдовского могущества, а вы, в свою очередь, поделитесь с ним своими силами. Даю слово, я буду очень общительным отцом!

– Я несколько в этом не сомневаюсь, – заверила я. – Меня волнует совсем другое... Я хочу, чтобы наш сын носил ваше имя. Я не желаю давать жизнь незаконнорожденному. В свое время вы достаточно пострадали от такого положения, и я не могу допустить, чтобы подобные унижения терпел и наш сын. Поэтому я хочу, чтобы вы... чтобы вы... – я снова сглотнула, не веря, что произнесу эти слова, – ... чтобы вы женились на мне.

Локеш отпрянул от меня, вытаращив глаза.

– Вы хотите стать моей женой?

– Надеюсь, вы не рассчитывали, что меня устроит роль наложницы? С матерью Джесубай мы вступили в законный брак. Я хочу того же самого. Я хочу, чтобы наш с вами союз был не только стратегическим, но и традиционным. Проще говоря – законным. Можете сделать это под любым именем, каким пожелаете, но я хочу стать вашей женой прежде, чем мы с вами... приступим к зачатию ребенка. – Я опустила глаза, взяла Локеша за руку и слегка сжала ее.

Несколько секунд он обдумывал мои слова, потом объявил:

– Вы проявили завидную мудрость, предложив такое условие. Теперь я понимаю, что вы действительно думаете о нашем сыне и о том, какое место он займет в этом мире. Что ж, я исполню ваше пожелание. Я возьму вас в жены, а в качестве свадебного подарка даже не стану покушаться на ваше целомудрие до брака. Вы удовлетворены?

– О да. Спасибо... мой супруг.

Локеш одарил меня улыбкой кота, загнавшего в угол мышку.

– В таком случае я предоставлю вам право самостоятельно позаботиться о выборе свадебного наряда, а я займусь церемонией и банкетом. Мой слуга зайдет за вами и проводит на свадебное пиршество. Разумеется, я бы с удовольствием сделал это сам, но у меня слишком много дел, а я не настолько доверяю своей очаровательной невесте, чтобы дать ей свободу действий. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Конечно, – ответила я, радуясь тому, что выторговала еще двадцать четыре часа на обдумывание плана спасения.

Целуя меня на прощание, Локеш давил и тянул, кусал и мял, словно я была куском глины, из которого он мог лепить все, что пожелает. Когда он наконец оторвался от меня, я, преодолевая боль, выдавила стыдливую улыбку.

Локеш грубо потрепал меня по плечу и сказал:

– Что ж, до завтра, когда вы станете моей женой. Хорошенько выспитесь, радость моя. Вам понадобятся силы.

– Спокойной ночи, – машинально ответила я и вернулась к свободе своей пустой темницы.

Той ночью я почти не спала. Лежа с закрытыми глазами, я молилась, чтобы Рен или Кишан, мистер Кадам или даже сама Дурга пришли ко мне на помощь. Мое время стремительно истекало.

В те краткие мгновения, когда я проваливалась в сон, мне снилось, будто я сижу в постели, держа на руках прелестного младенца. Это было то самое видение, которое открылось Кишану в Роце сновидений. Малыш спал, а я все гадала, какие же у него глазки – цвета синего смеющегося моря или сверкающей под солнцем золотой пустыни.

Я пригладила темные волосы малыша, поцеловала в нежный лобик. Вот маленькие пальчики вцепились в мою руку, ребенок зашевелился. Наконец он зевнул и открыл глазки – и я отшатнулась в ужасе. Глаза моего сына были угольно-черными. Черты его безмятежного детского личика стали медленно меняться, губы изогнулись в жестокой гримасе, и бессердечный детский голос произнес: «Здравствуй, мамочка».

Я проснулась с воплем. Быстро придя в себя, я перевернулась на другой бок, взбила подушку под щекой. Если я не могу надеяться на спасение, значит, моей целью станет смерть – моя или Локеша. Я не позволю ему дотронуться до меня, не говоря уже о том, чтобы зачать от него ребенка! Локеш был смертельно опасным хищником, а если хищник решил тебя съесть, то выбор у тебя невелик: бежать, спрятаться или убить его первой. Мне ничего не оставалось, кроме как сражаться за свою жизнь.

Но как я смогу убить своего похитителя? Из оружия у меня остались только Шарф и Жемчужное ожерелье. Следовательно, можно было попробовать задушить Локеша или утопить его в ванне. Честно говоря, оба плана были так себе. Но я не имела никакой возможности ни заполучить свой лук со стрелами, ни воспользоваться огненной силой.

Я вертелась и ворочалась, перебирая самые разные варианты, пока вдруг не услышала какой-то шум за окном. В предутренних сумерках я прошлепала к окну, оглядела пустынный заснеженный пейзаж и вдруг услышала шорох ткани на подоконнике. На моем Шарфе сами собой стали вышиваться слова:

*Келси?
Ты здесь?
Это Кишан.*

«Кишан! Он здесь! Возможно, мне все равно придется убить Локеша, но теперь хотя бы не нужно будет делать это в одиночку! Интересно, а Рен и мистер Кадам тоже здесь?»

Если бы не всевидящий взгляд Локеша, я бы непременно пустилась в пляс от радости. Но вместо этого я попросила Шарф вышить ответ и прижала ткань к стеклу.

*Со мной все в порядке.
Локеш женится на мне завтра вечером.
Здесь повсюду камеры наблюдения и охрана.*

Я подавила рыдание, когда ткань снова зашевелилась, подчиняясь приказу Кишана. Торопливо перевернув Шарф, я прочитала:

*Тяни время, как можно дольше.
У нас есть план.
Мы тебя спасем.*

Я прижала ладони к стеклу и закивала. Сверля взглядом оконное стекло, я целую вечность смотрела в сторону леса, ожидая, не мелькнет ли там что-нибудь белое или черное.

На следующее утро я вскочила с постели как ужаленная и бросилась в душ. Я была измотана до предела. До сих пор я держала свои чувства в железной узде, но мысль о том, что заточение вот-вот подойдет к концу, захватила меня до такой степени, что я уже не могла справиться с эмоциями.

Я тревожилась за Рена и Кишана, которым предстояла схватка с Локешем. Я спрашивала себя, как смогу сидеть взаперти, пока они будут сражаться и, может быть, погибать. Я думала о том, что будет, если они потерпят поражение, а мне придется выйти замуж за чудовище.

Повизгивая под обжигающим душем, я втайне надеялась, что пар, затуманивший зеркало, ослепит и скрытые камеры. Совершенно обессиленная, я постепенно сползала вниз, пока не уселась на дно душевой кабинки. Горячая вода хлестала по моему онемевшему телу.

«Сегодня я, может быть, умру».

С этой мрачной мыслью я стала готовиться к свадьбе.

Полдня я сушила и расчесывала волосы. Долгие часы, проведенные на солнце, бесконечные походы по джунглям и плавание в океане сделали свое дело: мои каштановые волосы выгорели и приобрели золотистый оттенок. «Маме это понравилось бы», – подумала я. Вот только что бы сказала мама по поводу моей предстоящей свадьбы? Это явно была не та церемония, о которой можно мечтать!

Я попросила Шарф сделать мне свадебное платье, как у древней китайской принцессы. До самой последней минуты я старалась не думать о нем, но в конце концов пришлось открыть дверцу шкафа. Забывшись, я невольно ахнула при виде алого шелкового платья, как две капли воды похожего на брачный наряд невесты, на свадьбе которой мы были вместе с Ли.

Платье оказалось очень сложным, что дало мне прекрасную возможность потратить лишних двадцать минут на одевание. Плотная шелковая ткань была сплошь расшита бисером и золотой нитью, крупный цветок лотоса украшал золотую блузу с пышными оборками. Мои руки прятались в роскошных широких рукавах с шелковыми подрукавниками, свисавшими на целый фут ниже кончиков пальцев, а на тончайшей накидке, надетой поверх блузы, Шарф вышил восхитительного золотого феникса.

Длинный золотой шарф обхватывал мою спину, ниспадая до самого пола. Я надела алые шелковые туфельки, расшитые золотыми цветами, и закрепила на голове *pièce de resistance*¹ – невероятный шиньон, разукрашенный золотыми цветами, листьями, сложными косами, бусинками и вплетенными в пряди драгоценностями.

Я повернулась к зеркалу. В этом платье я походила на экзотическую птицу, на феникса из сказки. Подобно этой прекрасной птице, я была красива и полна жизни, но при этом несла на себе печать смерти, ведь очень скоро мне предстояло сгореть дотла.

¹ Здесь: «главное украшение, гвоздь программы» (фр.). – Примеч. перев.

Я сунула Шарф под один из длинных рукавов, спрятав его до поры. Попрыскав цветочными духами за ушами и на запястья, я села и стала ждать своего жениха.

Посланный Локешем слуга явился намного раньше, чем мне хотелось бы. Когда он увидел мой наряд, лицо у него перекошилось от изумления. Быстро втянув голову в плечи, он постарался отойти от меня подальше.

«Он что, боится меня? Вот бы и Локеш почувствовал то же самое!»

Слуга отвел меня в помещение, похожее на маленькую библиотеку, а перед тем как уйти, вручил мне письмо и деревянную шкатулку. Затем клацнул замок, и наступила тишина.

Я шумно перевела дух, всей душой надеясь, что Рен и Кишан приведут свой план в действие еще до начала церемонии. Закрыв глаза, я загадала, чтобы мы все остались живы. Затем я села и развернула записку, в которой Локеш ставил меня в известность о том, что перед церемонией бракосочетания мы с ним отужинаем вдвоем. Развязав белую ленточку, я открыла шкатулку с подарком от моего будущего мужа.

В кольце сиял самый крупный бриллиант из всех, что я когда-либо видела. Круглый, многогранный, розовый. С каждой стороны к нему крепилось еще два крохотных розовых бриллиантика. Возможно, у меня чересчур разыгралось воображение, но пять закрепок, удерживавших бриллиант в оправе, до отвращения напоминали толстые пальцы. Я представила себе пальцы Локеша – хищные, сильные, из которых нет спасения. Не успела я надеть кольцо, как дверь распахнулась.

– Ага, вы уже здесь, моя дорогая! Ну-с, как вам мой подарок?

– Он прелестен. – Я ухитрилась выдавить улыбку.

Что-то вспыхнуло в глубине его черных глаз. Он резко шагнул ко мне. Я стояла, гордо выпрямившись, но внутри у меня все сжалось. Локеш схватил меня за подбородок и тихо прошептал со своей змеиной улыбочкой:

– О, с каким удовольствием я сегодня ночью разорву ваше прелестное платье в клочья! Надеюсь, Келси, у вас хватит мужества сделать эту ночь нескудной. Я не потерплю разочарования.

Я отдернула подбородок и посмотрела ему в глаза.

– Поверьте, этой ночью все мои силы будут посвящены только вам, мой супруг.

Жадно осклабившись, Локеш схватил меня за руку и повел в бальную залу, сверкавшую светом сотен свечей и наполненную ароматами десятков букетов из белых цветов. Наверное, не будь это моя собственная свадьба, я смогла бы лучше оценить убранство.

Мы сели за небольшой уютный столик. На лице у меня застыла вымученная улыбка, но руки под многослойными длинными рукавами были судорожно стиснуты в кулаки.

Локеш хлопнул в ладоши, и по его знаку начался традиционный китайский брачный пир из десяти блюд, похожий на тот, который устроили в честь свадьбы двоюродной сестры Ли. Нам подали суп из акульих плавников, фаршированную дыню, двух целых лобстеров под чесночным соусом, говядину в пяти специях, голубей с лапшой, румяного молочного поросенка с жареным рисом, быстро обжаренные креветки с молодым горошком, утку по-пекински, рыбу с имбирем и зеленым луком, а также китайские розовые колобки с лotosовой пастой.

Я, как могла, растягивала ужин, разливаясь соловьем о символическом значении каждого блюда, но Локеш хранил грозное молчание. Казалось, он утратил интерес ко всему на свете, кроме меня. Его черные глаза следили за каждым моим движением, и я чувствовала себя кроликом под взглядом ястреба.

В какой-то момент ледяной холод коснулся моей лодыжки, скрытой под юбками. Медленно, лениво этот жгучий холод пополз вверх по голой ноге, погладил бедро. Трудно было сказать, что использовал Локеш на этот раз – силу воды, воздуха или сочетание обеих стихий, однако я сумела смолчать и через силу продолжила пробовать угощения.

Рен и Кишан явно не торопились спасти меня. «Если они не поспешат, я стану миссис Локеш Шу, или как там его?» Мне было так одиноко! Мрачная безысходность наваливалась все сильнее и вскоре затопила меня целиком. Я почувствовала себя тяжелым камнем, брошенным в грязную стоячую воду. Нет, не так я представляла себе свое будущее!

Вместо того чтобы пойти к алтарю навстречу мужчине, который будет смотреть на меня с любовью и нежностью, я отправлюсь напрямик в лапы негодяя, который скорее выкрутит мне руку, чем бережно возьмет ее в свою. Вместо мистера Кадама, который гордо поведет меня через зал, ласково успокоит и передаст мужчине, которого считает своим сыном, со мной будет только мое одиночество. Вместо клятв и нежных любовных обетов я услышу издевательскую ложь, приправленную черной злобой. А когда все закончится, я буду вся в грязи, с головы до ног.

Блюда уже унесли, больше тянуть время было невозможно. Локеш взял меня за руку.

– Вы готовы, дорогая? – спросил он и, не дожидаясь ответа, позвал мирового судью.

Мне хотелось вырваться и броситься наутек, но я твердо оперлась на руку Локеша и улыбнулась.

– Разумеется.

– Можно начинать? – спросил мягкий, бархатный голос.

Я ахнула и обернулась. Синие глаза мирового судьи полыхнули гневом. Его мантия развевалась, как парус, когда он широким шагом вышел на середину комнаты. *Рен!* В этот миг я подумала, что никогда в жизни не видела ничего прекраснее.

Взметнулось оружие. Со свистом закружилась чакра, копыта вылетели из трезубца и устремились в грудь Локешу, но он с легкостью отстранил их.

Схватив меня за руку, колдун злобно расхохотался.

– Привет, Дирен! Я вижу, ты получил мое приглашение.

– Ты возьмешь ее в жены только через мой труп! – пригрозил Рен.

– Как скажешь, – пожал плечами Локеш.

Он щелкнул пальцами – и Рен окаменел.

Локеш нервно обшарил взглядом озаренный свечами зал, ища черного тигра.

«Где же Кишан? Нужно немедленно разморозить Рена! Думай, Келси, думай!»

Решив, что другого выхода нет, я положила на чудо, обняла Локеша за талию и спросила:

– Вы убили Рена?

– Нет, дорогая. Он еще жив.

– Вот и славно, – промурлыкала я. Исполнившись решимости как следует сыграть свою роль, я повернулась к Рену, смерила его презрительным взглядом и протянула: – Я очень недовольна тем, что ты сумел сюда пробраться. Но раз уж это случилось, будь гостем на моей свадьбе!

Локеш улыбнулся и приказал слугам привести настоящего судью. Синие глаза Рена впились в мое лицо.

– Ах, миленький, какая же я невежливая! Совсем забыла, что гость должен поцеловать новобрачную! – насмешливо прошептала я и, вместо того чтобы поцеловать принца, явившегося меня спасти, до крови укусила его за губу. «Ах, прости, прости!» – подумала я, жалея, что Рен не может прочесть мои мысли... а потом наотмашь ударила его по прекрасному лицу.

Зрачки Рена изумленно расширились, и я поняла, что сердце у него сейчас болит гораздо сильнее, чем щека. Вытащив из рукава Шарф, я промокнула им окровавленную губу Рена и, презрительно поцокав языком, под веселый хохот Локеша небрежно засунула скомканную ткань ему за воротник.

Я задержалась перед Реном ровно настолько, чтобы увидеть, как его глаза снова просияли. Тогда я снова обернулась к Локешу и задумчиво сказала:

– Как вы полагаете, ему отсюда будет хорошо видно? Мне кажется, его все-таки лучше чуть-чуть передвинуть, вы не возражаете? Я хочу, чтобы он хорошенько видел мужчину, которого я предпочла ему!

Локеш игриво ущипнул меня за щеку, больно выкрутив кожу.

– Да вы просто очаровательная маленькая плутовка! – восхищенно воскликнул он, с удовольствием наблюдая, как я с помощью Шарфа прикручиваю Рену руки к груди.

Убедившись, что Рен крепко связан, Локеш разморозил его. Я увидела, как мышцы Рена напряглись под узлами Шарфа. Едва заметно покачав головой, я украдкой покрутила пальцами возле своей юбки. Рен понял мои знаки, перестал вырываться, расслабился и послушно подошел к самодельному алтарю.

Когда Локеш взметнул руки, приготовившись снова заморозить его, я остановила его.

– Ах, в этом нет необходимости, любовь моя.

Я щелкнула пальцами, и Шарф стал быстро-быстро обвиваться вокруг ног Рена, пока не превратил его в спеленатую мумию.

– Вы поработали на славу, кошечка моя, – сказал Локеш, – но я, пожалуй, все-таки заморожу ему язык, хотя бы на время. Не хочу, чтобы он испортил нашу свадебную церемонию.

– Мудрое решение! Так когда же мы приступим? Вы нашли мирового судью?

Локеш хлопнул в ладоши, но на этот раз ни судья, ни слуги не явились по его приказу. Тогда он крикнул, потом еще раз, затем в бешенстве позвонил в колокольчик. Единственным ответом были огромные языки пламени, вырвавшиеся из каждой свечи в комнате.

Тогда Локеш взметнул в воздух руки, пытаясь задуть огонь ветром, но от этого пламя только сильнее разгорелось. Сердито ворча, он снова взмахнул рукой и залил свечи водой, а Рен смотрел на все это и улыбался.

Чувствуя, что здесь дело нечисто, чародей схватил меня за руку и с криком «За мной!» поволок по коридору, чтобы выйти через кухню.

Я молча приказала Шарфу освободить Рена и вышить для него мое послание.

А Локеш тем временем безуспешно пытался открыть кухонную дверь. Он выстрелил в нее молнией, но синее пламя лишь оставляло подпалины на дереве. Тогда Локеш в бешенстве сорвал дверь с петель.

Я украдкой отошла на несколько шажков в сторону, пока Локеш, не веря своим глазам, разглядывал гигантский шоколадный торт, занимавший всю комнату от пола до потолка. Я самодовольно ухмыльнулась и пояснила:

– Разве девушка не может полакомиться шоколадом на собственной свадьбе?

После этого я шепотом произнесла всего одно слово. В следующую секунду торт взорвался и на Локеша обрушилось цунами кипящего шоколадного соуса. Колдун завопил и обернулся ко мне, но тут из боковой двери выскочил Кишан. Мертвый стражник мешком свалился к его ногам.

– Кишан! – закричала я, страшно радуясь тому, что могу кричать в голос.

Подмигнув мне, Кишан вскинул ладонь и выпустил в Локеша целую серию светящихся шаров, которые стали рваться с громким треском, как фейерверки. Колдун зарычал от боли, закрыв руками глаза, Кишан пульнул ему в грудь молниями из обеих рук.

Не успела я заключить Кишана в крепчайшие тигриные объятия, как в коридор выбежал Рен, держа в руках мой лук со стрелами и Золотой плод. Не останавливаясь, он на бегу разрядил в Локеша свой трезубец-дротикомет, превратив колдуна в подобие утыканного иглами дикобраза, а потом попросил Шарф крепко спеленать его с ног до головы.

Шарф ожил в руках Рена и заструился бесконечным полотнищем крепкого льна. Моток за мотком он начал туго оплетать колдуна между дротиками. Локеш взвыл от боли и стал

выкрикивать какие-то страшные ругательства на хинди и китайском. Шарф крепко скрутил ему ноги, обвился вокруг шеи, потом перекинулся через карниз и вздернул спеленатое тело колдуна к потолку. Локеш забился и завертелся, и я поспешно отвернулась, чтобы не смотреть.

Но Локеш каким-то чудом сумел высвободить руки, и тут-то я сполна почувствовала на себе его страшную силу. Невидимые когти стали царапать меня, рвать кожу. Громко застонав, я обхватила себя руками и стала оседать, задыхаясь от боли. Рен бросился ко мне и подхватил на руки, прежде чем я упала.

– Я с тобой, *йадала*, – нежно прошептал он.

Кишан еще раз выстрелил в Локеша, и боль начала утихать.

Невероятно, но чародей был все еще жив, хотя корчился в агонии. Кишан поджег ткань, которой он был спеленат, я услышала нечеловеческий вопль и почувствовала смрад горячей плоти. Потом громко зашипела вода – Локеш погасил пламя. Было очевидно, что простым огнем нам с чародеем не справиться.

Рен поднял Золотой плод – и тут же пропитанные водой пелены Локеша покрылись маслом. Кишан снова поджег их, и тело Локеша стало бешено извиваться.

Немного придя в себя, я дернула Рена за рубашку:

– Идем!

Я не могла больше ни секунды выносить это зрелище.

Вытолкав принцев в коридор, я захлопнула дверь и засунула в дверную ручку кочергу, надеясь, что Локеш либо сторит, либо удавится в петле, а еще – и то и другое сразу. Весь дом уже шатался – похоже, черная магия колдуна вызвала землетрясение.

Пора было уносить ноги. Я попросила Шарф соорудить мне под свадебным платьем какую-нибудь более практичную одежду, братья подхватили меня под руки, и мы во весь дух помчались по лестницам и лабиринтам коридоров. Стены были покрыты черными отметинами взрывов, под ногами хрустели вырванные из гнезд и разбитые камеры наблюдения. По пути нам пришлось перепрыгнуть через десятки распростертых на полу тел. На бегу я сорвала с пальца бриллиантовое кольцо Локеша и по частям сбросила с себя свадебное платье.

Наконец мы добежали до распахнутого окна с аккуратно срезанными прутьями. Кишан выпрыгнул наружу и приземлился в кусты, росшие в дюжине футов внизу. Рен перенес меня через подоконник и передал на руки Кишану, после чего присоединился к нам. Меня разрывало от желания без умолку говорить, кричать или скакать от радости, но когда мы добрались до мотоциклов, сердце у меня колотилось в горле. Я совсем выдохлась.

Но я была свободна!

Не тратя ни секунды, Рен только быстро пожал мне руку. Он усадил меня на свой мотоцикл, моторы взревели, и мы трое понеслись сквозь ночь, как пылающие кометы, оставляя за собой клочья рваного алого шелка.

Глава 4

Воссоединение

Мы ехали несколько часов без остановки. Ледяной декабрьский ветер трепал мои волосы, и я теснее прижалась к Рену, а он каким-то чудом сумел снять на ходу свою кожаную куртку и передать мне. Я радостно натянула куртку и крепко-крепко обняла Рена в знак благодарности.

Я до сих пор не имела ни малейшего представления о том, где мы находимся, но, судя по дорожным знакам, это явно была не Индия. Принцы остановились только на исходе ночи, всего за пару часов до рассвета. Я устало сползла с мотоцикла. Рен и Кишан спрятали свои машины в кустах, и мы наконец-то смогли как следует отпраздновать воссоединение.

– Я боялся, что больше никогда тебя не увижу, – нежно проговорил Кишан, прижимая меня к своей груди и глядя по спине. – Как ты? Локеш тебя не обижал?

Я покачала головой.

– Совсем чуть-чуть. Поставил пару синяков и несколько раз поцеловал, но большую часть времени он мною не интересовался. Мне даже не удалось увидеть его пыточную камеру.

Как же хорошо было в объятиях Кишана! Безопасно. Спокойно. Впервые за долгое время я полностью расслабилась. Я снова была со своими тиграми. Я вернулась домой.

– Вот и хорошо, – пробурчал Кишан, прижимая меня к себе так, словно больше никогда не собирался отпускать.

Когда он наконец разжал руки, ко мне подошел Рен. Лицо его было непроницаемо. Он ничего не сказал, но я готова была поклясться, что он прочитал мои мысли. Вот он робко дотронулся до моей щеки, и глаза у меня тут же наполнились слезами. Не успела я вымолвить ни слова, как Рен сгрел меня в объятия. Только очутившись в этой безопасной гавани, вновь почувствовав тепло сильного тела Рена и нашу связь, не нуждающуюся в словах, я смогла расслабиться по-настоящему, и ужасающее эмоциональное напряжение последних дней выплеснулось наружу в бурном потоке слез.

Кишан отвел глаза и стал сооружать палатку, а я стояла и рыдала в объятиях Рена. Все мое тело судорожно сотрясалось. Я комкала в кулаках рубашку на спине Рена, а он что-то тихо шептал и гладил меня по голове. В какой-то момент я почувствовала, что больше не могу стоять. Тогда Рен взял меня на руки и отнес в палатку.

Он сел и прижал меня к груди, а Кишан приготовил мне чай. Я затрясла головой, мне было не до чая, но Рен заставил меня выпить. Когда я допила, он что-то шепотом сказал Кишану, и тот мгновенно превратился в черного тигра и растянулся на подушках. Я легла рядом и стала поглаживать черный мех моего принца, которому до сих пор приходилось шесть часов в сутки носить тигриную шкуру.

– Попробуй уснуть, *приятма*, – сказал Рен, нежно накрывая мою щеку своей ладонью. Затем он превратился в белого тигра и лег с другой стороны от меня.

Какое-то время в палатке слышалось только мое судорожное всхлипывание и убаюкивающее мурлыканье Рена. Наконец я все-таки уснула, вцепившись в нежную шерсть на шее Рена.

Я проспала очень долго, хотя сквозь сон слышала, что братья проснулись и стараются меня не будить. Они негромко переговаривались на хинди, и прекрасные, музыкальные звуки их языка убаюкивали меня, снова погружая в сон.

Когда я наконец проснулась, солнце стояло уже высоко. Ночь была холодной, но теперь воздух прогрелся примерно до пятидесяти градусов по Фаренгейту, примерно как в начале лета в моем родном Орегоне. Я села, поморщилась и убрала с лица волосы.

В палатку просунулось улыбающееся лицо Кишана.

– Ага, я так и думал, что ты встала!

– У нас есть время хотя бы для того, чтобы обтереться губкой? – спросила я.

– Если эта процедура предполагает мое участие, то выделю для тебя время!

Я вздохнула, потянулась и криво улыбнулась в ответ.

– Я скучала по твоим шуточкам. Кстати, а где мы находимся?

– В Узбекистане.

– Мне это ни о чем не...

– Это в Средней Азии. Примерно в тысяче миль от дома.

– Ух ты! Далековато для мотопробега... – Я помолчала, потом спросила: – Кишан, как ты думаешь... он умер?

– Не знаю. Локеш живучий.

– Я надеюсь, что на этот раз не настолько!

Кишан задумчиво поглядел на меня.

– Я тоже на это надеюсь, Келлс.

Я взяла его за руку. Пусть мое сердце до сих пор стремилось к Рену, но я сделала свой выбор. Я выбрала Кишана. «Подушка есть подушка, будь она круглая или квадратная», – сказала себе я, с нежностью вспомнив Пхета.

– Кишан. Спасибо, что спас меня.

Его золотые глаза просияли.

– Я всегда к твоим услугам, красotka!

Когда он ушел, чтобы дать мне возможность вымыться, я попросила Шарф соткать занавеску для душа, после чего при помощи Жемчужного ожерелья соорудила себе хороший душ на плоской скале неподалеку от палатки. Попробовав рукой воду, я даже удивилась: она была мягкая и теплая, как тропический дождик. Я долго смывала с себя косметику и духи, представляя, будто вместе с ними соскребаю толстый слой фальшивой кожи, а вместе с ним и ту несчастную Келси, которая совсем недавно была невестой Локеша.

Освежившись, я вновь почувствовала себя самой собой, а значит, пора было возвращаться домой.

Когда Кишан предложил мне поехать с ним, я покосилась на Рена, но тот отвел глаза. Прикусив губу, я перекинула ногу через седло мотоцикла Кишана.

Стремясь как можно быстрее убраться подальше от Локеша, мы неслись на предельной скорости. Подозреваю, что братья останавливались только ради меня и чтобы заправиться.

На какой-то заправке, пока Рен и Кишан заливали топливо в баки, я отошла в сторонку и вытащила расческу и тюбик с солнцезащитным кремом. Когда я начала продираться гребенкой сквозь спутанные пряди, Рен вызвался намазать мне кремом руки, щеки и нос.

– Как ты? – негромко спросил он.

– Жива.

– В этом у меня нет никаких сомнений. – Закончив с одной моей рукой, он взялся за вторую. – Локеш заставлял тебя выйти за него?

– Вообще-то это была моя идея. Я хотела... как можно дольше протянуть время.

Рен замер, его пальцы на мгновение сжались на моей руке. Потом он заглянул мне в глаза и осторожно спросил:

– Он... сделал с тобой что-то плохое?

Я накрыла ладонью его руку.

– Нет. По крайней мере, не то, что ты думаешь.

Рен кивнул и взял мое лицо в ладони.

– Если тебе захочется поговорить, я всегда рядом.

– Я знаю. И еще... Рен, прости меня за тот поцелуй. Я не хотела сделать тебе больно.

– Я понял, зачем ты это сделала. Что касается боли, то мне было гораздо больнее знать, что ты томишься в плену, а я не могу тебя спасти.

– Спасибо, что спас меня.

– Где бы ты ни была, я всегда приду к тебе на помощь, *йадала*, – со вздохом ответил он. – Не нужно благодарить меня.

– И все-таки, спасибо.

Он поцеловал меня в лоб.

– Я уже говорил тебе, что ты ужасно упрямая?

– Кажется, это было очень давно, – со смехом ответила я, обрадованная нашей знакомой пикировкой и чувствуя, как теплые пузырьки побежали по всему телу. – Поехали домой! Мне не терпится поскорее увидеть мистера Кадама. Мне нужно так много ему рассказать!

Рен взял меня за руку, притянул к себе и вдруг посерьезнел.

– Келси... мы так и не нашли его. Когда нас атаковали пираты Локеша, мистер Кадам загородил собой Нилиму, в которую метнули гарпун. После этого они оба исчезли. Мы не смогли обнаружить их по маячкам. Они не подают сигналов. Твой сигнал мы увидели почти сразу, но Кадам и Нилима как в воду канули.

– Что? Этого не может быть! Едем скорее! Нужно разыскать их! – Меня вновь охватила тревога, на этот раз за мистера Кадама и Нилиму. До тех пор пока мы снова не окажемся все вместе, мне не будет покоя!

Рен подал мне руку.

– Поедешь со мной?

Вопрос повис в воздухе. Я покосилась на Кишана, который уже закончил подкачивать шины и весело махал мне рукой.

«Кишан мой парень. Я должна ехать с ним», – решила я.

– Попрошу тебя, – тихо попросил Рен. – Мне нужно чувствовать, что ты рядом.

Я опустила глаза и взяла его за руку. Моя решимость поколебалась.

– Ладно. – Я села за спину Рена и обхватила его за пояс.

Рен подъехал к Кишану и сказал:

– На этом перегоне мы поедем вместе.

– Если ты не против, Кишан, – быстро добавила я.

Кишан добродушно пожал плечами и предупредил:

– Да ладно, только учти, что Рен ездит, как старикашка!

Рен хмыкнул и проворчал себе под нос что-то на хинди, но Кишан только расхохотался.

Вечером того же дня Кишан отправился осматривать место для лагеря и вернулся очень довольный. Я вместе с ним поднялась по скалистому склону к кольцу камней, окружавших утопанную глиняную площадку.

– Видала? Наполни это дело газировкой, и у тебя будет собственное джакузи!

Я со смехом провела рукой по Ожерелью Дурги. Когда ванна наполнилась бурлящей минеральной водой, Кишан подогрел ее при помощи огненной силы. Вода подернулась паром.

– Наслаждайся, Келлс! Если надо будет снова подогреть водичку, только свистни!

Когда я как следует отмокла, настала очередь Рена и Кишана. Кишан быстро сорвал с себя рубашку.

– Кто первый прыгнет в воду, тот завтра целый день едет с Келлс!

Рен молнией сорвался с места, Кишан с улюлюканьем погнался за ним.

После очередного дня пути мы потихоньку начали возвращаться к своему нормальному образу жизни – в той мере, в какой нашу теперешнюю жизнь вообще можно было назвать нормальной. Братья окружили меня особой заботой и вообще обращались со мной, как с китайской фарфоровой чашкой.

Чуть позже, лунной ночью, Кишан с улыбкой наклонился, чтобы поцеловать меня. Поцелуй этот получился теплым, но коротким. Я заметила, как что-то мелькнуло в его глазах, когда он отстранился.

Я взяла его за руку.

– Что такое?

– Если я вдруг сделаю что-то такое, что причинит тебе боль или напомнит о Локеше, ты ведь мне скажешь, правда?

– Уже одно то, что тебя это тревожит, говорит о том, что между тобой и Локешем нет ничего общего! Не бойся дотрагиваться до меня. Я не сломаюсь, честное слово.

Кишан кивнул, поцеловал кончики моих пальцев и приподнял амулет, висевший у него на груди.

– Ты умница, что догадалась отослать это мне вместе с Фаниндрой, но теперь забирай обратно.

Он неуклюже повозился с цепочкой, застегивая амулет у меня на шее. Я погладила пальцами камень.

– Так вот, значит, как у тебя получались эти световые шары? Ты создавал их при помощи амулета?

– Да. Этот фрагмент амулета – настоящее оружие.

– А я-то все голову ломала, как ты это делал! У меня так никогда не получалось.

– Я думаю, у тебя тоже получится, если ты попробуешь. По-моему, этот амулет может создавать любые разновидности огня.

Обдумав его слова, я вспомнила, как Локеш при мне использовал свои фрагменты амулета. Я вскочила и схватила Кишана за руку.

– Куда мы идем? – спросил он.

– Я хочу что-нибудь взорвать!

– Узнаю мою девочку! – расхохотался Кишан. – Идем!

Когда мы отыскивали подходящую скалу, я вложила в свой разряд такую энергию, что камень рассыпался в пыль. Я недоверчиво уставилась на собственную руку. До сих пор я даже не представляла, насколько сильно завишу от своей силы, и осознать, что ее источником все-таки был амулет, стало настоящим облегчением. Значит, я по-прежнему могла полностью контролировать свои силы, включая и выключая их по желанию.

Мы с Кишаном тренировались еще целых полчаса. Он научил меня выпускать световые шары, которые могут ослеплять врага, взрываясь прямо перед глазами. Он показал, как вызывать огонь щелчком пальцев, а после, отыскав на дороге какую-то падаль, продемонстрировал искусство прожигать тело насквозь при помощи светового луча. Честно признаться, меня не привлекала мысль применить это знание на практике, но я решила, что если Локеш все-таки выжил и снова попытается меня поймать или если в поисках четвертого пророчества мне придется столкнуться с еще каким-нибудь чудовищем, то я, пожалуй, попробую пустить в ход и этот прием.

Вернувшись к палатке, мы застали Рена в бешенстве. Он наорал на Кишана за то, что тот без предупреждения ушел неизвестно куда вместе со мной.

– Нельзя спускать с нее глаз ни на секунду! Вдруг Локеш еще жив? Я не хочу снова потерять ее!

Когда он в гневе отошел, Кишан вздохнул и взял меня за руку.

– Он прав. Во всем, где дело касается тебя, мы должны быть предельно бдительны.

Я придвинулась ближе, положила голову ему на плечо.

– Ничего страшного! Достаточно, чтобы кто-то один из вас был со мной рядом.

Он обнял меня за талию.

– Не понимаю, чего он бесится! Ведь он выиграл пари. Завтра весь день он будет ехать с тобой.

– Куда подевался парень, который считает, что для победы все средства хороши? – поддразнила я.

– Кажется, Рен пошел по моему пути, – сокрушенно покачал головой Кишан. – Он спихнул меня прямо на камень, так что я ударился лицом. Между прочим, нос сломал.

– Что? – ахнула я. Кишан захохотал. – Не вижу ничего смешного! – рявкнула я.

– А я вижу. Рен никогда в жизни не жульничал. Видимо, ему отчаянно хотелось выиграть.

– Х-мм.

Этой ночью мне приснился мистер Кадам. Он стоял перед киноэкраном, изучая сцены сражений, мелькавшие так быстро, что я не успевала ничего разглядеть толком. Я тронула мистера Кадама за плечо, и он с улыбкой обернулся ко мне. Мне показалось, что в его глазах появилось какое-то новое выражение. Он выглядел старше и печальнее, чем я помнила.

– Что случилось? – спросила я. – Что-то плохое?

Мистер Кадам ласково потрепал меня по руке.

– Ничего, мисс Келси. Я просто немножко устал.

– Где вы? Мы не можем вас найти.

– Я гораздо ближе, чем вы думаете. Постарайтесь расслабиться и усните.

– Но я и так сплю! Это же сон.

– Разумеется, – помолчав, ответил мистер Кадам. – Но вы все-таки закройте глаза и постарайтесь дышать мерно и глубоко. Очень скоро вам потребуются все ваши силы, а теперь – отдохните.

Голос мистера Кадама стал отдаляться, тьма мягко обступила меня. Я хотела кивнуть, но не смогла. А когда фигура мистера Кадама исчезла, я почувствовала легкое прикосновение – знак утешения и понимания.

Рен и Кишан пришли в восторг, когда наутро я рассказала им о своем сне. Они оба не сомневались, что у меня было видение и что амулет каким-то образом сумел установить связь с мистером Кадамом.

Когда мы наконец остановились на усыпанной гравием подъездной дорожке перед особняком, у меня на глаза навернулись слезы. Мы вошли в дом, я вдохнула его тепло и почувствовала дух семьи Раджарам.

Рука об руку с братьями я переступила порог и громко сказала:

– Вот мы и дома!

Глава 5

Мозаика событий

Пока Рен и Кишан осматривали дом в поисках следов мистера Кадама, Нилимы или врагов, я поспешила к моей умнице Фаниндре, которая сумела доплыть до берега Махабалипурама и разыскать моих тигров. При виде меня золотая змейка моргнула изумрудными глазками и потерлась головкой о мою ладонь.

– Я тоже сучала по тебе, – сказала я. – Какая ты умница, что добралась до мальчиков!

Я еще немного погладила Фаниндру по золотой головке, а потом она снова свернулась колечком и застыла.

Быстрый просмотр камер видеонаблюдения и компьютера мистера Кадама показал, что за время нашего отсутствия никто не приходил в дом и не пытался связаться с нами.

– Что будем делать дальше? – спросил Кишан. Он присел на подлокотник дивана и – к большому неудовольствию Рена – привлек меня к своей груди.

Словно в ответ на этот вопрос воздух в трех шагах от нас вдруг замерцал и пошел волнами. Искорки света дрожали, плясали и подпрыгивали, как капли дождя на ветровом стекле. Затем они начали сгущаться, стягиваться в центр и принимать форму. Свет разгорался все ярче и ярче, и вот перед нами уже появились две фигуры.

Я услышала знакомый родной голос:

– Здравствуйте, мисс Келси. Нам нужно очень многое обсудить.

– Мистер Кадам? Нилима? – Я обежала вокруг стола и обняла их обоих. – Как вы? Где вы были? Вы ранены?

Нилима улыбнулась, но я почувствовала, как она слегка пошатнулась в моих объятиях.

– Рен! Кишан! Кто-нибудь, проводите Нилиму в ее комнату. Она еще не оправилась после путешествия, и ей нужно поспать, – велел мистер Кадам.

Разумеется, Рен тут же бросился на помощь и повел Нилиму вверх по лестнице в ее комнату.

– Присядем, мисс Келси? – продолжал мистер Кадам. – Если вы согласитесь уделить мне немного времени, то я хотел бы поговорить с вами. – Он цокнул языком, отгоняя какую-то мысль, которой явно не хотел делиться, и я со страхом подумала, какие еще сюрпризы ждут нас.

Когда Рен вернулся, я взяла Кишана за руку, радуясь тому, что моя маленькая семья снова собралась вместе, и втайне надеясь, что четвертое пророчество Дурги окажется проще всего того, через что нам уже пришлось пройти.

– Мистер Кадам, пожалуйста, расскажите, что с вами случилось! – попросила я.

Он откинулся на спинку кресла, погладил свою бородку и немного помолчал, словно колеблясь.

– Видите ли, амулет защищал меня на борту судна. Когда я увидел гарпун, пущенный в Нилиму, то думал только о том, как защитить ее. Я бросился к Нилиме и обнял ее, а дальше... В следующее мгновение нас перенесло в другое место.

– Куда? – спросил Рен.

– Боюсь, я не смогу ответить на этот вопрос, поскольку мы были не на Земле.

– Как? – выпалила я, не веря своим ушам. – Вы хотите сказать, что это был один из миров Дурги – вроде города Семи пагод?

– Нет. Нас перенесло туда, где нет ни времени, ни пространства. Дорогая мисс Келси, простите, но я вряд ли смогу описать место, в котором мы находились. Достаточно сказать, что мы оба живы, целы и вернулись домой.

Я чувствовала, что мистер Кадам чего-то недоговаривает. Он явно рассказал нам не всю правду, но я не понимала, что он скрывает и почему.

– Следующие несколько недель я буду очень занят, – продолжал мистер Кадам. – Мы должны как можно быстрее отправиться на поиски четвертого дара Дурги. Но на этот раз выступить нужно точно в назначенное время. Если мы начнем действовать раньше или позже, то не попадем в окно возможностей, открывающееся в строго определенный срок, и тогда успех всего нашего дела окажется под угрозой. Но прежде всего я должен сказать самое главное. Вам придется полностью довериться мне. В ближайшее время я попрошу каждого из вас сделать очень трудные вещи, но вы должны повиноваться мне без вопросов и колебаний. Просто поверьте – я обладаю знанием, которым пока не могу с вами поделиться.

Мистер Кадам ласково посмотрел на меня.

– Поверьте, мисс Келси, ваше счастье и безопасность всегда были и останутся главной моей заботой. Но прошу вас не задавать мне вопросов. Я все равно не могу открыть вам больше того, что уже сказал.

– Может быть, вам нужна моя помощь в исследованиях? – вызвалась я.

– Не в этот раз, мисс Келси, но все равно спасибо.

Что-то было не так. Совсем не так. Раньше мистер Кадам никогда не закрывался от нас. Я видела, что его что-то гложет: он выглядел рассеянным и невеселым. Чтобы нарушить повисшее молчание, я выпалила:

– В таком случае давайте я расскажу о том, что узнала.

Мистер Кадам кивнул, приглашая меня поведать о моей жизни в плену у Локеша. Я пересказала всем его историю, подробно остановившись на том, как Локеш убил брата и отца, упомянула, что колдун до сих пор носит их кольца, и отдельно рассказала о силах, которые он применял при мне.

– Он может щелчком пальцев создавать воздушные туннели и пускать синие электрические разряды. Он умеет замораживать не только людей, но и любые предметы, поэтому я думаю, что Локеш повелевает водой и льдом. Не зря же он умеет гасить огонь!

– Вполне логичное предположение, – согласился мистер Кадам.

– Благодаря Кишану мы теперь знаем, что фрагмент амулета, который я ношу, связан с огнем, – продолжала я. – Кишан открыл столько возможностей амулета, сколько я и за год не нашла!

Тут мои мысли сами собой вернулись к золотому пламени, вспыхивавшему от прикосновений Рена, но что-то подсказывало мне, что эта необъяснимая сила исходила не от амулета и не от моей татуировки. Это чудо создавали только мы с Реном.

Шумно сглотив, я повернулась к мистеру Кадаму. Тот понимающе кивнул, и на лице его появилось какое-то странное выражение, как будто он заранее знал, о чем я хочу рассказать.

Я откашлялась и тихо сказала:

– Локеш использовал свои силы, чтобы... трогать меня.

– Возможно, вам неприятно говорить об этом, – мгновенно перебил меня мистер Кадам.

– Нет, я думаю, вы должны об этом знать. Он... он создает невидимые пальцы, сотканые из воздуха. Ими он забирался мне под одежду, а перед самым нашим побегом я почувствовала, как он царапает мою кожу изнутри. Я думаю, он может пробраться внутрь человека и делать что захочет.

– Если этот дьявол не умер, я разыщу его и задушу голыми руками, – прорычал Кишан. Мистер Кадам выпрямился, пораженный.

– А вы полагаете, что он мертв?

– Мы надеемся, – ответил Кишан. – Перед уходом мы его повесили, проткнули дротиками и подожгли.

– Любопытно, – без особого энтузиазма хмыкнул мистер Кадам.

Рен подался вперед и уронил голову на руки.

– Это я виноват, Келси. Я должен был все время держать тебя при себе. – Он повернулся ко мне, взял за руки. – Прости меня. Это я велел тебе уйти. Если бы ты была рядом со мной, Локеш никогда бы не дотронулся до тебя!

– Мне нечего тебе прощать, Рен! Пожалуйста, не вини себя. Я цела и в безопасности только благодаря тому, что ты меня спас.

Он поднял голову, кивнул, но ничего не сказал, и я продолжила свой рассказ.

– Амулет сохраняет Локешу молодость. На вид ему лет пятьдесят, но на самом деле он гораздо старше всех вас. Он сказал, что родился примерно в 250 году нашей эры. Но объединенная сила частиц амулета позволяет ему менять свою внешность так, как он пожелает.

Мистер Кадам смотрел в сторону, не говоря ни слова. Я видела, что его мысли витают где-то далеко от нас.

– А еще Локеш рассказал мне о той ночи, когда вы стали тиграми, – добавила я. – Вы говорили, что тогда вас защитил амулет. Но у меня есть собственная теория. – Я посмотрела на Рена и попросила: – Расскажи мне во всех подробностях, как Локеш проклял тебя и превратил в тигра.

– Он снял со своей шеи деревянный медальон, рассек мне кожу, смочил медальон в моей крови и произнес заклинание. На Кишана оно тоже подействовало. Дальше я помню только вспышку белого света, страшную боль и ощущение, будто мое тело принимает новую форму.

– Не забудь про жар, – напомнил Кишан. – Мой амулет так раскалился, что прожег мне кожу.

– Правда? А с моим амулетом ничего подобного не было, – возразил Рен.

– Х-мм. – Я побарабанила пальцами по коленке. – Локеш сказал, что амулеты защитили вас, превратив в тигров. У него-то были совсем другие планы. Он собирался сделать из вас зомби или что-то вроде того.

– Но зачем тогда он выбрал такой сложный и кровавый, а главное, медленный ритуал? – удивился Рен. – Почему бы просто не заморозить нас? Чего он хотел добиться своими фокусами?

– Во-первых, Локешу вообще нравится мучить людей, а помучить вас было особенно приятно. Амулеты и так были у него в руках. Он сам признался, что хотел растянуть удовольствие. Как следует насладиться своим торжеством. Возможно, в то время он еще не в полной мере овладел искусством частичной заморозки. Не забывайте, что ему нужен был не безмозглый чурбан, а зять, который будет пользоваться поддержкой своего народа и при этом делать все, что ему прикажут.

– Хорошо, значит, это не Локеш превратил нас в тигров. Как по-твоему, что же тогда произошло, Келси? – спросил Кишан.

– Я думаю, амулет защитил вас – так же, как и мистера Кадама, – ответила я.

– Но почему же тогда амулеты не защитили брата и отца Локеша? – возразил Рен.

– Хм... Возможно, вы скажете, что это бред... Одним словом, Локеш уверен, что ему *предназначено* собрать амулет. Но что если амулет Дамона действительно должен быть собран, только сделать это суждено не Локешу, а вам?

Кишан расхохотался.

– Ты права! Это бред.

– А ты все-таки подумай, – не сдаюсь я. – Он называется амулетом Дамона, и он превратил вас не в кого-нибудь, а в тигров. Дамон – тигр Дурги, которая дает нам задания. Океан-Учитель сказал, что эта история неспроста приключилась именно с вами, а не с какими-то другими людьми. Что если вам суждено спасти амулет?

Рен потер ладони и задумчиво сказал:

– Возможно, Келси права. Если Локеш не проклинал нас, значит, это мог сделать амулет.

Я горячо закивала.

– Нужно вернуться к Локешу и забрать у него амулет!

– Нет! – Мистер Кадам выкрикнул это так резко, что мы все вздрогнули. Заметив наше недоумение, он откинулся на спинку кресла, но его пальцы с силой впились в подлокотники. – Возвращаться к колдуну нельзя. У нас нет на это времени. Только после того, как четвертый дар будет у нас в руках, мы начнем охоту на Локеша.

– Но разве не лучше сделать это прямо сейчас, пока мальчики сохраняют способность исцеляться от любых ран? – спросила я.

Мистер Кадам покачал головой.

– Это как раз тот случай, когда я прошу вас довериться мне.

Я мрачно кивнула и украдкой переглянулась с Реном и Кишаном. Мистер Кадам выглядел очень странно. Он смотрел на нас троих со смесью грусти и нежности, и еще я заметила, что, вопреки своему обыкновению, на этот раз он ничего не записывал. Это было совершенно на него не похоже.

– Вы хорошо себя чувствуете, мистер Кадам? – спросила я.

Он моргнул, слеза скатилась по его щеке. Мистер Кадам судорожно вздохнул, откашлялся.

– Да-да, конечно. Я лишь очень сожалею о том, что вы пережили пленение, мисс Келси. На всем свете не найти более жестокого и коварного человека, чем ваш похититель. Вы умница, что сумели так ловко манипулировать им, я восхищен вашей смекалкой, тем более в столь тяжелой ситуации. Вы очень храбрая девочка, мисс Келси. Я так горжусь вами... Всеми вами.

Еще одна слеза сбежала по его щеке, он быстро смахнул ее.

– Пожалуй, мне нужно немного отдохнуть. Если вы не возражаете... – Мистер Кадам с достоинством поднялся, вышел из комнаты и тихо прикрыл за собой дверь.

Мы еще никогда не видели нашего мистера Кадама таким старым, усталым и... погасшим. Какое-то время мы втроем шепотом обсуждали, что это может значить, но в конце концов решили дать им с Нилимой как следует выспаться. Время от времени я заглядывала к ним, и, хотя оба крепко спали, меня не покидало зловещее ощущение, что на этот раз наша мирная передышка будет очень краткой.

Спустя восемнадцать часов Нилима наконец проснулась. Выглядела она такой же веселой и беззаботной, как обычно.

– Привет-привет, мисс Келси, – воскликнула она, улыбаясь мне поверх чашки с йогуртом. – Как я рада тебя видеть!

– Нилима, – подступила я к ней. – Рассказывай, что с вами произошло?

– Да я и сама не знаю, – ответила она. – Только что мы были на палубе, а потом вдруг очутились тут. Какая-то магия, наверное, или сама Дурга помогла нам.

Я улыбнулась и кивнула, гадая про себя, как могло получиться, что у них с мистером Кадамом остались столь разные воспоминания об одном и том же происшествии.

Пока мистер Кадам отсыпался, Нилима, не теряя времени, с упоением погрузилась в привычные семейные дела. Несколько часов она провела на телефоне и за компьютером, а Рен и Кишан сидели рядом, наблюдая и запоминая, что и как она делает.

В отличие от Нилимы, мистер Кадам и после пробуждения остался таким же замкнутым, мрачным и загадочным, как накануне. Он, конечно, уверял, что все в порядке, но я начала уже не на шутку беспокоиться.

– Мистер Кадам, почему вы так закрылись от нас? Что вас тревожит? Я скучаю по старому мистеру Кадаму! – приставала я.

– Ничего, моя дорогая мисс Келси. Меня ничто не тревожит.

Я посмотрела на него, но мистер Кадам отвел глаза.

– Но я вижу, что это не так! Вы мне не доверяете?

Он тяжело вздохнул.

– Конечно же, я вам доверяю. Я... не вполне доверяю себе. В этом мире есть вещи, с которыми уважающий себя человек должен разобраться сам. – Он наклонил голову и пытливо посмотрел на меня. – Вы позволите мне задать вам личный вопрос, мисс Келси? – Я с готовностью кивнула, и мистер Кадам продолжил: – Представьте, что у вас есть ребенок, который только учится ходить. Скажите, когда малыш упадет, вы будете брать его на ручки и носить или же подбодрите, чтобы он продолжал учиться?

– Конечно, подбодрю!

– А если вы увидите на его пути острые углы или разбитые стекла, вы уберете их с дороги?

– Обязательно!

– А если ваш малыш окажется в доме, охваченном огнем? Как вы поступите тогда?

Я не задумалась ни секунды.

– Вбегу в дом и спасу его!

– Да, вы поступите именно так. Несмотря на смертельную опасность, вы сделаете все, чтобы спасти тех, кого любите. – Он улыбнулся. – Это именно то, что я хотел услышать. Вы очень утешили меня, мисс Келси.

– Да ведь я ничего не сделала!

– Вы сделали гораздо больше, чем думаете. У вас чистое и любящее сердце. Это бесценный дар, которым вы великодушно поделились со всеми нами.

– Но ведь вы – моя семья!

– Да. Мы семья. Прошу вас, не тревожьтесь обо мне.

Повисла грустная пауза, потом я вздохнула и тихо пообещала:

– Хорошо.

Поддавшись порыву, я бросилась к мистеру Кадаму и крепко обхватила его руками. Он нежно обнял меня, прижался щекой к моему лбу. Потом потрепал по спине, и я почувствовала, как еще одна слеза упала мне на нос.

Было очевидно, что наша жизнь так и не вернулась в обычное русло, но Кишан изо всех сил старался заново разжечь пламя наших с ним отношений и предложил мне свидание. Сначала он хотел устроить романтический ужин возле бассейна, но потом мы решили просто посмотреть фильм в домашнем кинотеатре.

– У нас свидание, – сообщил Кишан Рену, ткнув его локтем в бок. – Назову вещи своими именами: ты не приглашен. Трое – это уже толпа.

– Не вздумай огорчить ее, – пригрозил Рен и, яростно отпихнув Кишана, бегом взбежал по лестнице.

Через несколько минут мы услышали, как что-то большое и тяжелое разбилось о стену в комнате Рена.

Я вздохнула и обняла Кишана за пояс.

– Ты поступил грубо, объявив ему об этом в таком тоне, – мягко упрекнула я.

Кишан поцеловал меня в лоб.

– Он должен понять, что я тебя не уступлю.

– Он понимает, но это непросто. Представь, как бы ты себя чувствовал на его месте.

– Мне и представлять не надо, я прекрасно знаю, что он чувствует. Он хочет вернуть тебя, а я не собираюсь идти навстречу его желаниям.

– Кишан...

Он взял меня за подбородок, повернул мое лицо к себе.

– Ты ведь моя девочка, правда?

– Да, но...

Он вопросительно заглянул мне в лицо своими золотыми глазами и тихо спросил:

– Ты хочешь вернуться к нему?

Я оцепенела, не зная, что ответить. Опомнившись, я медленно покачала головой.

– Я выбрала тебя, и это решено.

Кишан улыбнулся, опустил голову и сказал:

– Я не мастер произносить речи и знаю, что за последние недели тебе пришлось очень нелегко. Раньше я уже говорил тебе, что мы не будем торопить события, и хочу сказать это снова. У нас не было времени серьезно поговорить с тех пор, как... как к Рену вернулась память. Если ты не уверена насчет меня или колеблешься, то скажи прямо. Не бойся огорчить меня. Я не говорю, что меня это не расстроит, – еще как расстроит! Но если ты передумала, решила начать все сначала или сдать назад, я пойму.

Я снова восхитилась добротой и терпением этого прекрасного человека. Я его не заслуживала. Прижавшись щекой к груди Кишана, я твердо заявила:

– Думаю, мне хочется пойти дальше.

Кишан счастливо улыбнулся.

– Насколько дальше?

Я расхохоталась.

– Почему бы не начать с поцелуя?

– Думаю, это я могу устроить.

Его поцелуй был нежным и бережным. Я вздохнула и обвила руками шею Кишана. В его объятиях я чувствовала себя любимой, защищенной и спокойной. Целовать и любить Кишана было все равно, что влезть в удобные кроссовки. Никакого золотого пламени. Никакого необузданного взрыва страсти. Никаких могучих пут, связывающих нас воедино. Короче, ничего сверхъестественного... Но это тоже была любовь.

Пожалуй, на таком крепком фундаменте вполне можно выстроить счастливую жизнь. Кишан будет обожать меня, и рано или поздно между нами тоже возникнет особая связь. Со временем мое упрямое сердце смягчится и позволит Кишану завладеть им целиком. Я не знала, когда это случится, но надеялась, что нам обоим не придется слишком долго ждать.

Наверху снова что-то разбилось, и мы с Кишаном разняли объятия.

– Поговори с ним, Келлс, – тактично предложил Кишан.

Кивнув, я отправилась в комнату Рена. Пришло время поговорить начистоту. Столько всего произошло после того, как к нему вернулась память! Во что бы то ни стало мне нужно было добиться, чтобы Рен смирился с тем, что я выбрала Кишана.

Он сидел за столом, глядя в окно на бассейн. По всему полу валялись бумаги и записи. Сорванная со стены книжная полка лежала сверху, как будто рухнула под собственной тяжестью. Я стала собирать бумаги и увидела, что это стихи.

– Чего тебе надо, Келси? – тихо спросил Рен, не оборачиваясь.

– Я пришла посмотреть, что тут был за грохот. Ты что, охотился на лося?

– Тебя не касается то, чем я занимаюсь в своей комнате.

Я вздохнула.

– Касается, когда ты занимаешься этим с таким грохотом.

– Отлично. В следующий раз, когда моя жизнь будет разрушена, я постараюсь выражать свое отчаяние потише и подальше, чтобы не потревожить твои нежные чувства.

– У тебя всегда был дар преувеличивать.

Рен обернулся и недоверчиво уставился на меня.

– Единственное преувеличение я сделал, допустив наличие у тебя нежных чувств. Очевидно, это не твой случай. Чувствительная женщина всегда признает, что ошиблась. Чувствительная женщина слушается своего сердца. Чувствительная женщина не отталкивает мужчину, которого любит. Неужели ты не понимаешь, что я едва не потерял тебя навсегда? Неужели

ты не способна почувствовать, что я пережил? Одна мысль о том, что Локеш может с тобой сделать, была выше моих сил... Ты знаешь, что я чувствовал тебя? Твой страх, твой ужас – я испытывал все это вместе с тобой. Я неделю не спал и каждую минуту этого окаянного бодрствования терзался мыслями о том, что ты сейчас страдаешь, что тебе плохо. Единственное, что позволило мне сохранить рассудок, – это надежда вернуть тебя, обнять, прижать к себе и знать, что ты в безопасности.

– Рен...

Но он не дал мне ничего сказать.

– И вот ты возвращаешься домой – и что ты делаешь? Снова бежишь к Кишану. А мне позволено дарить тебе утешение, но только не любовь. Келси, неужели ты до сих пор отрицаешь, что любишь меня?

– Когда ты злишься, то вечно норовишь удариться в лирику. – Я подобрала с пола книгу, провела рукой по кожаному корешку. – Да, я молилась, чтобы ты пришел. Я знала, что вы с Кишаном перевернете небо и землю, чтобы найти меня. И я не отрицаю, что люблю тебя. Кстати, я уже говорила тебе об этом.

– Тогда объясни мне еще раз. Как ты можешь любить меня и выбрать Кишана?

– Если ты думаешь, что я не люблю Кишана, то ошибаешься. – Я уселась на кровать Рена и со вздохом переложила книгу на столик. – Ты веришь, что он хороший человек? Что он любит меня, что он будет меня беречь, защищать и ценить?

– Да, верю.

– Значит, ты должен признать, что в моем выборе нет ничего плохого, за исключением того, что я выбрала не тебя.

– И того, что ты его не любишь, – сухо добавил Рен.

– Кишан хороший, добрый, храбрый и замечательный – как и его брат. Разве этого недостаточно для счастья?

– Нет.

– В таком случае мне больше нечего сказать!

Я аккуратно собрала листки со стихами и положила их стопочкой на столик.

Когда я выходила из комнаты, мне казалось, что взгляд Рена вот-вот прожжет мне дырку между лопаток.

Пока мы с Кишаном смотрели фильм про Джеймса Бонда, я все время думала о Рене. С этим человеком я привыкла делиться всем, что у меня на душе. Он слишком давно был моим другом и достаточно хорошо знал меня, чтобы видеть, когда я темню. Он знал, что с моим выбором все не так просто, и, как собака, дорвавшаяся до вкусной косточки, был полон решимости доискаться правды. Я вздохнула, прижалась к Кишану и положила голову ему на грудь.

Глава 6

Храм Вайшно-деви

На следующий день мы отправились в долгий путь к очередному храму Дурги. На этот раз мистер Кадам выбрал храм, расположенный в городке Катра, в индийском штате Джамму и Кашмир. Наш путь лежал в Гималаи и дальше на север, до самой границы Индии. Нам предстояло проехать больше четырехсот миль, почти до Пакистана.

Мистер Кадам ехал быстрее, чем разрешено в США, но мы все равно целый день провели в машине. По дороге мы останавливались только для того, чтобы заправиться. Чтобы скрасить поездку, я стала рассказывать, что в «Звездном пути» слово «катра» означало жизненную силу жителей планеты Вулкан, и вулканец, умирающий вдали от родины, мог передать свою «катру» близкому человеку, чтобы тот вернул ее на родину, как и поступил Спок, поместивший свою жизненную силу в тело доктора Маккоя. Рен, смотревший «Звездный путь», слушал внимательно, но Кишан быстро утратил интерес к моим разглагольствованиям. Когда я перешла к описанию путешествий во времени, мистер Кадам весь обратился в слух и забросал меня вопросами о том, что происходило с героями в будущем в случае разрыва пространственно-временного континуума.

Наконец показались заснеженные вершины гор возле Катры. Я уже знала, что в Гималаях холодно даже летом, – и сейчас, зимой, воздух просто обжигал стужей. Хуже всего было то, что до пещерного храма предстояло пройти тринадцать километров пешком.

– Ничего не поделаешь, мисс Келси, – сказал мистер Кадам. – Обещаю, что по дороге мы будем делать частые остановки.

Я поехала.

– Отлично. Храм на заснеженной горной вершине – это так красиво! Но все-таки я ужасно рада, что это наше последнее приключение.

На закате мы попросили Шарф сделать нам прочную палатку с грудой одеял внутри. Мистер Кадам с помощью Золотого плода приготовил нам жаркое, а я использовала силу амулета, чтобы как следует согреть палатку изнутри. Жар волнами шел от моих рук, как от батареи.

Следующее утро выдалось холодным и ясным. Позавтракав горячей кашей, мы надели по несколько пар теплых шерстяных носок, горные ботинки с шипами, несколько слоев свитеров и кофт и несколько слоев пуховиков. Рен создавал для меня все новую и новую одежду. Мой шарф оказался ему недостаточно теплым, поэтому он создал для меня новый, подлиннее и потолще, и трижды обернул его вокруг моей шеи. Затем он надел на меня лыжную шапку, которая закрыла мне всю голову, кроме лица, а сверху нахлобучил еще одну шапку, с ушами. Когда он начал критиковать мои перчатки, я не выдержала и прогнала его прочь, посоветовав помучить кого-нибудь другого.

– Ты же не в Антарктиде, Келлс, – хмыкнул Кишан, когда мы пустились в путь к храму.

– Отцепись! Я не виновата, что Рен чересчур заботливый! Это была не моя идея.

– Да ладно, – ухмыльнулся Кишан. – Давай я хотя бы возьму твой рюкзак. По-моему, в этой одежде ты и так несешь вдвое больше своего веса!

Я молча сунула ему свой рюкзак и, клокоча от досады, зашагала в гору.

– Идем! И хватит об этом!

Кишан оглушительно расхохотался, и мы вчетвером отправились в путь к храму Дурги.

Мистер Кадам быстро догнал меня, за ним пристроился Кишан, а Рен, задержавшийся, чтобы убрать наш лагерь, пошел сзади.

По дороге мистер Кадам, как всегда, развлекал меня рассказами о местности.

– Хотите послушать историю об этом храме?

– Да, – ответила я. На следующем шагу я поскользнулась на ледяной тропинке, но Кишан мгновенно подхватил меня под локоть и не дал упасть.

Мистер Кадам вдохнул колючий горный воздух и с шумом выпустил его через ноздри.

– Около семисот лет тому назад в этих горах демон по имени Бхайрон Нат преследовал Дургу, или Мату Вайшно-деви. Богиня укрылась в пещере, а когда Бхайрон нашел ее там, Дурга отрубила ему голову своим трезубцем. Считается, что огромный камень, лежащий возле входа в пещеру, – это окаменевшая голова демона.

– Мистер Кадам, у меня есть вопрос. Почему у индийских богов и богинь столько имен и обличей? Почему Дурга не может быть просто Дургой?

– Каждое обличье, называемое аватарой, – это одно из воплощений божества. Скажем, в одной жизни богиню могут звать Дургой, а в другой она предстанет как Парвати. Идея перевоплощения, или реинкарнации, известна во многих религиях и в каждой имеет свои особенности. Некоторые полагают, что реинкарнация связана с необходимостью в обучении, и череда воплощений прекращается только тогда, когда человек постигает все, что ему нужно постичь в человеческой жизни, чтобы подняться на следующий уровень бытия.

В буддизме реинкарнация понимается не столько как возвращение духа в новое тело, сколько как процесс, в котором старый дух вызывает к жизни новый, подобно тому как от угасающего пламени зажигается новая свеча. Все свечи разные, но пламя одно, и оно порождено теми, кто жил прежде.

– Но разве богам и богиням нужно пламя? Они же и так самые просветленные!

– О нет, у нас в Индии боги далеко не совершенны.

– Все это так сложно!

– Да. – Мистер Кадам улыбнулся. – Многие верят, что именно из того храма, в который мы с вами направляемся, Дурга призывает своих почитателей. Поэтому люди бросают все дела, чтобы совершить сюда паломничество.

– Вот это интересно! Мистер Кадам, а вы слышите зов богини? – шутливо поинтересовалась я.

Мистер Кадам посмотрел на крутую горную тропу, лежавшую перед нами.

– Да. В некотором роде, – тихо ответил он.

Несколько часов мы шли по утоптанной тропке, почти вертикально поднимавшейся в горы.

По мере того как мы приближались к храму, настроение мистера Кадама стало чуть-чуть улучшаться. В это утро он был более рассеян, чем обычно, зато чаще улыбался и охотно разговаривал со мной о самых разных вещах. За эти часы я поняла, как сильно соскучилась по нему.

На последнем отрезке пути нам пришлось преодолеть несколько пролетов вырубленных во льду ступеней, ведущих прямо в пещеру. Несмотря на то что все мы были в специальных ботинках для лазанья по льду, мне очень пригодилась поддержка Рена и Кишана.

Перед входом в пещеру мы ненадолго остановились, чтобы перевести дух, а затем прошли по стометровому проходу к каменному храму, возвышавшемуся за пещерой. Снаружи храм выглядел довольно заурадно: серый сверху и коричневатый вокруг дверного проема. Коническими очертаниями это святилище напоминало Береговой храм. Древние камни были сплошь испещрены резьбой и выемками, совсем как стенка для скалолазания в спортзале. Мы переступили порог и отправились на поиски статуи Дурги.

Насколько храм был тусклым снаружи, настолько он поражал великолепием красок внутри. В нише на постаменте стояла та, которую мы искали. На этот раз богиня была не вырезана из камня и не отлита из бронзы, а вылеплена из воска.

Ее лицо и руки были покрыты нежнейшей белой краской, тело скрывалось под богато расшитыми тканями и гирляндами шелковых роз, жасмина и гардений. Волосы Дурги, увенчанные замысловатым головным убором и усыпанные драгоценностями, казались живыми. Рубиновая точка *бинди* сверкала меж высоко изогнутых бровей богини, а на серьгах и золотом кольце в носу переливались полудрагоценные камни. Ниша за спиной богини была выкрашена алой краской, в цвет губ Дурги.

– Какая красавица! – прошептала я.

Кишан задержался взглядом на статуе, потом согласился:

– Хороша!

– Ну вот, – тихо сказала я. – Мистер Кадам, вы уверены, что мы пришли в нужное место? Он как-то странно улыбнулся.

– Доверьтесь мне. Мы там, где и должны быть.

Я взяла у Кишана свой рюкзак, и мы вместе разложили у ног Дурги наши подношения. На этот раз мистер Кадам велел нам принести коробок длинных спичек, несколько толстых свечей, горстку лучинок, немного угля, две хлопушки, зажигалку и связку острых перчиков-чили. Когда настало время позвонить в колокольчик, оказалось, что я не могу добраться до своего браслета на щиколотке, погребенного под бесчисленными слоями теплой одежды.

У Кишана мои затруднения вызвали приступ веселого смеха, а Рен тихо заворчал, присел на корточки и провел пальцем по брелокам на моей щиколотке. Когда он выпрямился, мы взялись за руки.

Рен первым начал нашу молитву Дурге.

– Сегодня мы просим тебя о помощи в нашем последнем испытании. Мы пришли, чтобы выполнить твоё четвертое и последнее задание, и просим твоего благословения, чтобы путь наш был гладким, а поступь – твердой и уверенной.

– Прошу тебя, дай нам мудрость и силы благополучно завершить последний этап наших странствий, – добавила я.

Когда настала очередь Кишана, он сказал:

– А главное, будь милосердна и дай нам всем возможность начать новую жизнь после того, как мы принесем последний дар к твоим стопам.

Подождав несколько секунд, Кишан пихнул мистера Кадама, который рассеянно смотрел себе под ноги.

– Ах да! Простите... Я прошу тебя, богиня, позаботиться о моих близких, и пусть свершится то, чему суждено свершиться.

Я обернулась и вопросительно посмотрела на мистера Кадама, но он лишь слегка пожал плечами, а Рен и Кишан уже превратились в тигров.

То, что случилось сразу после этого, напугало меня до полусмерти. Свечи и спички вспыхнули пламенем, хлопушки взорвались, огонь быстро охватил пьедестал и начал жадно лизать стены за спиной статуи Дурги. Оттуда пламя перекинулось на стены, и вскоре мы очутились в кольце пожара.

Все, что могло гореть, мгновенно сторело, и только каменные стены храма продолжали сопротивляться. Языки пламени заплясали по полу, выжигая мох и пыль между плитами. В мгновение ока нас окружила стеной огня. Рен и Кишан превратились в людей и загордели меня с двух сторон, но огненное кольцо быстро сжималось.

Я закричала, увидев, как загорелся подол рубашки Рена, но Кишан быстро сбил пламя. Храм заволочло дымом, я уткнулась лицом в грудь Рена, давась от кашля. Холодный ветер задувал в храм снаружи, но внутри все равно было жарко, так жарко, что восковая статуя

богини начала плавиться у нас на глазах. Ее усыпанный драгоценностями головной убор превратился в озеро разноцветных слез, медленно стекавших по прекрасному лицу Дурги.

Потом на раскаленной от жара стене ниши зажегся алый отпечаток ладони. Рен хотел первым дотронуться до него, но обжегся. Я попросила Ожерелье остудить стену, и по моему слову с потолка хлынул поток холодной воды. Сначала вода шипела и плевалась паром, но через несколько минут она уже тихо сбегала по стене, собираясь в лужу на полу.

Я шагнула вперед, приложила ладонь к отпечатку и собрала свою энергию. Кусачий жар разлился по руке, а на тыльной стороне моей кисти проступила татуировка.

В тот же миг оплывшая статуя Дурги начала светиться. Ее волосы вспыхнули пламенем и поднялись над головой, как огненная грива. Воск ручьями побежал вниз, растекаясь лужей под босыми ногами богини, и вот перед нами возникла прекрасная женщина, излучавшая тепло десяти солнц. Кожа у нее была цвета меда и карамели, одежды переливались всеми оттенками апельсинового заката. Если у восковой статуи было целых восемь рук, то у ожившей Дурги – всего две, и лишь одна из них была украшена простым золотым браслетом. Не открывая глаз, богиня глубоко вздохнула и провела руками по своим длинным шелковистым волосам. Пламя исчезло. Ослепительная красота богини не нуждалась в украшениях, поэтому из всех драгоценностей на ней остались только золотой браслет выше локтя да золотой пояс на талии.

Дурга улыбнулась нам всем, а когда она заговорила, в ее голосе мне почудился нежный перезвон колокольчиков.

– Я рада снова видеть вас всех. – Дурга указала рукой на пол и рассмеялась. – Как видите, ваши подношения приняты. – Она очертила рукой широкую дугу, и в тот же миг последние очаги пожара исчезли вместе с копотью на стенах.

Тут что-то стиснуло мою руку, и я поняла, что Фаниндре не терпится приветствовать свою госпожу. Подойдя к пьедесталу, я сняла с руки золотой браслет и подала его Дурге. Змейка мгновенно ожила, подняла головку и несколько раз обвилась вокруг Дурги.

Богиня гладила ее до тех пор, пока Кишан не кашлянул. Не глядя на него, Дурга вздохнула и мягко пожурила:

– Тебе следует научиться быть терпеливым с женщинами и богинями, мой эбеновый.

Кишан мгновенно присмирел.

– Прости меня, богиня, – извинился он с галантным поклоном.

Тень улыбки появилась на лице Дурги.

– Учись наслаждаться тем, что здесь и сейчас. Дорожи своими переживаниями, ибо счастливые мгновения мимолетны, а если ты будешь все время гнаться за будущим или держаться за прошлое, то не сможешь ценить и любить настоящее.

– Я буду лелеять каждое слово, вышедшее из твоих уст, моя богиня. – Кишан поднял голову, а Дурга наклонилась и дотронулась до его щеки.

– Ах, если бы ты всегда был столь... преданным, – проворковала она.

Рен взял меня за руку, чтобы поддержать, пока мой парень влюбленно тарасился на прекрасную богиню.

Когда Дурга наконец сооблаговолила заметить меня, ее взгляд из томного стал добрым и внимательным.

– Келси, дочь моя. У тебя все хорошо?

– Хм, более-менее. Гигантская акула откусила кусок от моей ноги, а так все нормально.

– Гигантская... акула? – Дурга смешалась и быстро переглянулась с мистером Кадамом. Определенно, происходило что-то странное!

– Да. Акула. Но мы раздобыли твое Жемчужное ожерелье. Видишь?

Я показала ей ожерелье, а Дурга с улыбкой осмотрела его.

– Да, я довольна. Этот дар очень пригодится вам в следующем испытании. – Дурга вскинула на меня глаза, с материнской заботой взяла мои руки в свои. – Впереди тебя ждут самые тяжелые дни, моя бесценная дочь.

– Ты должен ей помочь, – сказала она, обращаясь к Рену. – Быть ей опорой. Приближается час очищения, час огненного испытания души и сердца. Пройдя чистилище, вы трое станете сильнее, но до этого вам не раз захочется взмолиться об избавлении. Помните, тигры, что вы, как никогда, будете нужны Келси. Думайте не о себе и не о своих мечтах, а о том, что нужно сделать для ее спасения и для нашего общего спасения. Ибо теперь мы *все* зависим от вас.

– Когда мы найдем последний дар, тигры навсегда превратятся в людей? – спросила я.

Дурга задумчиво посмотрела на меня.

– Обличье тигра было дано им с определенной целью, и очень скоро эта цель будет вам открыта. Когда четвертое испытание завершится, принцы получают возможность распрощаться с тиграми. А теперь подойдите ко мне и возьмите свое последнее оружие.

Богиня выхватила из-за пояса золотой меч и одним быстрым движением разломил его на два. Быстрым взмахом она перебросила мечи в каждую руку и бешено закрутила в воздухе, а в следующую секунду оба острия уперлись Рену и Кишану в горло. Глаза богини вспыхнули от удовольствия.

Рен напрягся, но богиня немедленно отдала ему меч, который он с благодарностью принял. Однако убирать клинок от горла Кишана Дурга даже не подумала. Взгляд Кишана посуловел, и в какой-то момент я испугалась, что он сейчас бросит вызов богине.

Дурга лукаво улыбнулась и снова закрутила меч в воздухе, но Кишан предугадал ее следующий выпад и уклонился. Некоторое время они развлекались этим смертельным танцем, и я видела, что богиня осталась довольна ловкостью и отвагой Кишана. Но вот она загнала его в угол, и Кишан застыл – на этот раз клинок был приставлен к его сердцу.

Я шумно втянула в себя воздух, а Дурга насмешливо проговорила:

– Ах, не тревожься, моя милая Келси, сердце черного тигра не так-то легко пронзить.

Кишан, приняв боевую стойку, мрачно смотрел на богиню. Ее оранжевое одеяние распахнулось от середины бедра, и я невольно залюбовалась божественной стройной ножкой, выглядывавшей из разреза.

«Возможно, мистер Кадам прав и Дурга не идеальна, зато ноги у нее – само совершенство! Даже если бы я продолжала регулярно заниматься ушу в Орегоне, у меня никогда не было бы таких ножек».

Судя по всему, этот факт не укрылся и от внимания разъяренного Кишана. Его взгляд медленно скользнул от голой ноги богини к ее лицу, но когда Дурга насмешливо приподняла бровь, он снова насупился.

Я дотронулась до его руки.

– Кишан, Дурга всего лишь показывает, как пользоваться мечом. Расслабься.

Он послушался, но богиня улыбнулась так многозначительно, словно прочитала его мысли. Кишан отвел меч от своей груди и схватил оружие за рукоять. Дурга выпрямилась и вынула из-за пояса две броши. Спустившись на одну ступень пьедестала, она приколотла одну брошь на грудь Рену, вторую – Кишану. Тот нехотя кивнул, не трогаясь с места, и стал внимательно следить за каждым движением Дурги, показывавшей, как пользоваться этим с виду невинным оружием.

Она накрыла брошь Кишана ладонью и проворковала:

– Латы и щит.

В ту же секунду брошь стала расти, золотой металл пополз во все стороны, закрывая тело Кишана. Еще мгновение – и вот уже он был полностью облачен в золотые доспехи, а в руках держал щит и меч.

Дурга снова нажала на брошь и прошептала:

– *Брууча*, брошь!

Золотые доспехи съжились и вновь превратились в маленькое украшение.

– Пожалуй, пока тебе лучше оставаться в этой... – низким томным голосом прошептала богиня, пробегая пальчиками по широкому плечу Кишана, – ... современной одежде. Ибо к красивым мужчинам в боевых доспехах я питаю слабость.

На лице Кишана отразилось искреннее изумление.

Что происходит? Дурга никогда раньше не флиртowała с Кишаном столь... откровенно. Впечатление было такое, будто мы все смотрим плохой сериал.

– Эти броши были сделаны специально для вас двоих, – продолжала Дурга. Теперь она смотрела прямо в глаза Кишану, воздух между ними загустел от жара. – Тебе понравился мой подарок, эбеновый? – тихо спросила богиня.

Кишан шумно вздохнул, шагнул вперед и взял ее руку в свои ладони.

– Я думаю, что ты... то есть, я думаю, что это... невероятно! Благодарю тебя, моя богиня, – прошептал он и поцеловал ее пальцы.

– Хм-ммм, – довольно промурлыкала Дурга. – Не за что.

Рен негромко зарычал, и мистер Кадам наконец разрядил повисшее в воздухе напряжение.

– Полагаю, нам пора в путь. Если, конечно, вы не хотите сказать нам что-то еще...

Дурга тут же отстранилась от Кишана, который пожирал ее глазами, словно хотел съесть на месте. Богиня ответила ему таким пламенным взором, что заполыхавший между ними пожар мог бы запросто расплавить каменный пол.

Потом Дурга перевела взгляд на мистера Кадама и кивнула.

– Я сказала все, что должна была сказать. До новой встречи, друзья мои.

Когда ее фигура начала отвердевать, я в отчаянии воскликнула:

– Когда же мы встретимся снова?

Дурга улыбнулась и подмигнула мне. Вспыхнувшее пламя охватило ее тело, скрыв от наших взглядов, а когда огонь погас, на постаменте вновь стояла восьмирукая восковая статуя. Я поднялась на пьедестал и протянула руку Фаниндре. Та послушно обвилась вокруг моего предплечья и снова застыла.

Я повернулась, стала спускаться и чуть не подпрыгнула от неожиданности, услышав гневный вопль, прогремевший в тишине храма:

– Это было совершенно возмутительно!

С этими словами Рен врезал брату в челюсть.

Глава 7

Судьба

Кишан потер щеку, бешено сверкая глазами.

– Если я еще раз увижу, что ты так обращаешься с Келси, клянусь, что я дух из тебя вышибу, а не только мозги! – взорвался Рен. – А сейчас я настоятельно советую тебе извиниться. Я достаточно ясно выразился, младший брат?

Кишан захлопал глазами, потом кротко закивал.

– Хорошо. Мы ждем вас снаружи, – отрезал Рен и вышел, сопровождаемый мистером Кадамом.

– Он прав. Прости меня. Просто не знаю, о чем я думал. Прости, Келс. – Кишан порывисто обнял меня. – Ты ведь все еще моя девочка, правда?

Я кивнула, уткнувшись в его грудь, а он взял меня за руку и вывел из храма.

– Можешь злиться на меня, если хочешь, я заслужил! Можешь даже обезуметь от ревности и поколотить меня.

Как ни странно... я нисколько не ревновала. Меня разбирала не злость, а любопытство. Сделав себе мысленную зарубку непременно обсудить это с мистером Кадамом, я бросилась вниз по тропинке и с изумлением увидела, что лед и снег вокруг храма растаяли без следа.

Спускаться вниз по горной тропе было намного легче, чем подниматься, но братья все равно держали меня под руки, на случай, если я вдруг поскользнусь. Когда мы миновали Катру, я едва переставляла ноги от усталости и сомневалась, что смогу преодолеть последнюю милю.

Но мистер Кадам, обычно такой покладистый, на этот раз настоял, чтобы мы продолжали путь, и даже предложил одному из братьев понести меня. Разумеется, я отказалась и с горьким вздохом поплелась вперед, но вскоре Кишан подхватил меня на руки. Я тут же уснула и проснулась, только когда мы подошли к лагерю.

Грея ноющие ноги возле костра, я улучила минутку поговорить с мистером Кадамом с глазу на глаз.

– Мистер Кадам... я хотела спросить, что вы думаете насчет Дурги и Кишана. Понимаете, я не могу разобраться в том, что чувствую. Вы ведь тоже все видели, правда?

– Да. Я... да, я заметил.

– Как вы думаете, мне нужно волноваться? Насчет Кишана, вы понимаете? – Я невольно съезжилась под взглядом мистера Кадама. – В мифах часто рассказывается о том, как боги влюблялись в простых смертных... и у них даже рождались дети. Может быть, Дурга положила глаз на Кишана? И что в этом случае я *должна* чувствовать?

Мистер Кадам поднял глаза к звездному ночному небу, помолчал, потом улыбнулся мне.

– А что вы чувствуете?

– Я чувствую... как будто я должна ужасно расстроиться, но ни капельки не расстраиваюсь, и это меня беспокоит. Ведь я доверяю Кишану. Я верю, что он меня любит.

– Вы правы, доверяя ему. Пока у Кишана есть вы, богиня ему не страшна. Он вас любит.

– Я знаю, что любит, но Рен так огорчается!

Мистер Кадам вздохнул.

– Рен... Рен тоже вас любит. Он стоит горой за тех, кого любит. Он всегда готов был жертвовать собой, забывая о собственных желаниях, лишь бы у других все было хорошо. На войне он скорее бросится в первые ряды и подвергнет себя самой страшной опасности, чем допустит гибель своих солдат.

«Угу. В этом весь Рен!»

– Да, я сразу это поняла, – кивнула я. – Он порвал со мной, когда не смог спасти меня и я едва не утонула. Он пожертвовал собой, чтобы Кишан мог увезти меня от головорезов Локеша. Он постоянно отказывается от меня, чтобы спасти мне жизнь.

Мистер Кадам понимающе кивнул.

– Рен всегда будет бросаться вам на помощь. Так он проявляет свою любовь, мисс Келси. «Но нужна ли мне такая любовь?» – подумала я.

А мистер Кадам продолжал:

– Кишан в бою ведет себя иначе. Для него победа гораздо важнее способа, которым она достанется. Как и Рен, он будет защищать своих близких и сражаться в первых рядах, но цель у него другая – проявить себя, вдохновить других бойцов и повести их за собой. И Рен, и Кишан сильно изменились за эти годы. Они повзрослели, стали лучше, чем раньше. Кишан стал менее эгоистичным, более открытым внешнему миру. Он больше не пытается выиграть любой ценой, он понял, что победа твоей стороны – это и твоя победа, даже если ты не обнажал меч в бою.

Зато Рен, напротив, ушел в себя. Когда-то он командовал армиями, сражался за свой народ и добивался мира для своей страны, но сейчас ему нужна только близкая душа. Он хочет создать собственную семью и любить ее. – Мистер Кадам сцепил пальцы, помолчал, слушая треск веток в костре. – Они оба любят вас, каждый по-своему, но со всей полнотой, на которую способны. Да, я уверен, что Дурга испытывает влечение к Кишану, поскольку распознала в нем родственную душу. Она очень похожа на того Кишана, каким он был раньше. Дурга – воительница до мозга костей. Вы же видели, как она бросила вызов Кишану, приставив меч к его горлу? Прежний Кишан тут же бросился бы в бой, но ваша рука мгновенно остановила его. Право, мисс Келси, я не вижу повода сомневаться, что Кишан вас любит.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Мистер Кадам сжал мою руку, увидев возвращающихся братьев.

Кишан сел у огня, привлек меня к себе.

– Пришло время сказки на ночь. Ну, о каком греческом боге мы слушаем на этот раз? Я погладила его по руке и мстительно ухмыльнулась.

– Пожалуй, сегодня я расскажу тебе о многочисленных интрижках Зевса с земными женщинами и о том, как Гера наказала своего божественного муженька за легкомыслие.

Рен прыснул, Кишан поморщился. Однако он явно решил любой ценой добиться моего прощения, поэтому сдержался и кротко ответил:

– О, я буду лелеять каждое слово, вышедшее из твоих уст, моя богиня.

Я пихнула его локтем, но он только захихикал.

– Вот-вот, а еще заруби эти слова у себя на носу, друг мой, – наставительно сказала я.

Кишан, понизив голос, прошептал:

– Непременно зарублю, любовь моя, – и поцеловал мои пальцы.

Рен перестал смеяться и проворчал:

– Давай выкладывай свою историю.

Я начала рассказ, не скупясь на преувеличения и авторские дополнения, а мистер Кадам вынул из бархатного чехла свой самурайский меч и стал задумчиво полировать его при свете костра. К тому времени, как моя поучительная история подошла к концу, поленья превратились в россыпь мерцающих угольков. Мистер Кадам тихо смотрел в огонь, положив меч на колени.

– Вот что бывает, когда муж изменяет жене, – торжественно закончила я.

В ответ из темноты раздался знакомый ненавистный голос:

– Должен сказать, что ваш выбор истории на ночь оказался пророческим. Вы – женщина всесторонне одаренная, радость моя.

Сердце у меня подпрыгнуло и застряло в горле. Я судорожно вцепилась в руку Кишана. Благодаря Рену и Кишану я научилась сохранять выдержку при встрече с разными чудовищами

и даже втайне гордилась своим умением давать им отпор, не моргнув и глазом. Единственным исключением было чудовище, шагнувшее в круг света нашего костра и с жадностью глядевшее на меня.

Локеш.

Он нас выследил.

Рен и Кишан одновременно вскочили и схватили оружие. Мистер Кадам быстро дотронулся до каждого из нас по очереди – и все застыло. Я почувствовала, как мое неподвижное тело накренилось. Какая-то нездешняя сила втягивала меня в себя. Все клеточки моего тела как будто слиплись в сплошной комок. Меня словно высасывало изнутри. Я почувствовала, как чудовищная сила сжимает меня, точно файл, а потом меня с такой силой затянуло в невидимый поток, что я и пикнуть не успела. В следующую секунду я уже кувырком летела в черную бездну. Потом во тьме показался слабый свет.

С неприличным хлопком я вывалилась из пустоты рядом с Кишаном. Мы стояли за густым кустом, шагах в десяти от нашего лагеря. Мистер Кадам с улыбкой положил мне руку на плечо.

– Что... что это было? Как мы тут очутились? – ошарашенно спросила я.

– Я перенес нас сквозь пространство, – ответил мистер Кадам. – Но сейчас нет времени на объяснения. – Он сжал плечо Рена, положил вторую руку на плечо Кишана. – Мои принцы, мои сыновья, вы доверяли мне с самого детства, и сейчас я прошу вас довериться мне еще раз. Вы должны будете сделать для меня одну вещь и пообещать строго следовать всем моим указаниям. Вы сделаете это?

Рен и Кишан дружно кивнули. Тогда мистер Кадам сказал следующее:

– Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не покидайте этого места до тех пор, пока Локеш не уйдет. Что бы вы ни увидели, что бы ни услышали, *вы не должны вмешиваться!* Дайте мне воинскую клятву, что исполните это.

Мистер Кадам хлопнул в ладоши, и по его знаку все трое произнесли слова, которых я никогда прежде не слышала:

– Твой в жизни, твой в смерти. Мы клянемся уважать мудрость наших предводителей, неусыпно исполнять свой долг, храбро смотреть в глаза смерти и относиться к людям с тем же состраданием, какое мы проявляем к тем, кого любим.

Затем они по очереди, сначала Кишан, потом Рен, коснулись лбами лба мистера Кадама.

Когда все было закончено, мистер Кадам деловито сказал:

– Я поручаю вам мисс Келси. Локеш ни в коем случае не должен ее найти! Защищайте ее всеми силами и любой ценой. Думайте только о ней, забудьте обо всем остальном. Это единственный способ сокрушить Локеша. Что бы ни случилось, дети мои, вы должны это сделать, если любите и уважаете меня.

С этими словами мистер Кадам растаял в воздухе.

– Что это было? – прошептала я, не на шутку напуганная.

В ту же секунду ветер донес до нас голоса с другой стороны куста. Рен придвинулся ближе, чтобы лучше слышать, и мы все уставились сквозь густую листву на лагерь. Костер, только что неподвижно застывший, вновь ожил и затрещал. А перед языками пламени стояли двое – Локеш и мистер Кадам.

Я вскочила, но не успела сделать и шагу: Рен и Кишан силой усадили меня на землю.

– Что вы творите? – возмутилась я. – Нужно бежать ему на помощь! У нас же все оружие с собой!

– Мы дали Кадаму воинскую клятву, – шепотом ответил Рен.

– И что?

– А то, что мы не можем ее нарушить. Это воинский закон, и Кадам еще никогда не просил нас о таком. Клятва используется только в тех случаях, когда нужно беспрекословно следовать плану. Если кто-то дрогнет и не выполнит свой долг, все пропадет.

– Да бросьте вы! Мистер Кадам не имел этого в виду! Он просто немного не в себе! – тщетно взывала я.

Из-за куста Локеша было хорошо видно. Я посмотрела – и сдавленно охнула. Половина его лица была чудовищно обожжена, разорванное веко обвисло, закрыв один глаз. Волосы с одной стороны головы тоже сгорели. На шее выделялись багровые шрамы от петли. Кроме того, Локеш теперь слегка прихрамывал.

– Куда ты их спрятал, друг мой? Старый ты фокусник, все держишь тузы в рукаве? – спросил Локеш хриплым срывающимся голосом.

– Я перенес их туда, где они будут в безопасности, – ответил мистер Кадам.

Он поднял свой самурайский меч, подул на лезвие, попробовал пальцем остроту кромки.

– Я знаю, что тебе нужен амулет. У меня – в отличие от моих сыновей – нет другого оружия, кроме этого старого меча. Но как бы там ни было, я готов отдать жизнь, защищая их.

– Всему свое время. – Единственный здоровый глаз Локеша с жадностью уставился на амулет мистера Кадама. – Разве ты не хочешь рассказать мне о силах своего амулета в последние минуты жизни?

Мистер Кадам пожал плечами.

– Мой амулет обладает целительной силой. Насколько я слышал, ты должен был погибнуть. – Он указал на изуродованное лицо Локеша. – Вижу, что твой амулет не может исцелить тебя, в отличие от моего.

Локеш в бешенстве сплюнул себе под ноги.

– Это мы скоро проверим! Как ты ухитрился перенести эту троицу отсюда?

– Может быть, ты захочешь добыть мой фрагмент амулета в честном бою? – бросил вызов мистер Кадам. – Без амулетов, колдовства и черной магии? В простой боевой схватке – врукопашную, сталь против стали, как в старые добрые времена?

Локеш смерил своего противника оценивающим взглядом, потом заговорил вкрадчиво, с насмешкой в голосе.

– Значит, ты хочешь умереть в бою, как подобает воину? Я достаточно долго был воином, чтобы понять это желание и даже посочувствовать ему. Но я хочу спросить тебя, друг мой, – как же целительная сила амулета? У тебя она есть, у меня нет, разве наша битва может считаться честной?

– Исцеление наступает не моментально. Нанеси мне сокрушительный удар, и тебе ничто не помешает снять с меня амулет. Если, конечно, ты не боишься сразиться со стариком.

– Мои поступки редко диктуются страхом, – раздумчиво ответил Локеш, зорко вглядываясь в темноту неподалеку того места, где мы спрятались.

Я затаила дыхание, а Рен тихонько отпустил ветку куста, чтобы скрыть нас.

– Мне стыдно в этом признаваться, дружище, но беседа с тобой интересует меня гораздо меньше, чем мне хотелось бы, – продолжал Локеш. – Я околдован, и мне не будет покоя до тех пор, пока мы с юной мисс Хайес не уладим наши разногласия. Так что, пожалуй, я лучше отправлюсь на поиски моей строптивой невесты, чтобы преподать ей хороший урок. Она близко, друг мой, очень близко. Я чувствую ее. Но будь уверен, как только этот вопрос разрешится, я вернусь и займусь тобой.

Он сделал шаг в сторону джунглей, но тут мистер Кадам сделал несколько выпадов мечом и крикнул:

– Тебе будет непросто ее отыскать!

Локеш стремительно обернулся.

– Не забывай, что я нашел тебя в этой глуши. Мои люди давно уже следят за всеми храмами Дурги. Я чувствую, что мисс Хайес близко, и на этот раз меня ничто не остановит.

Я ахнула, да так громко, что мистер Кадам и Локеш резко замолчали и уставились в сторону леса.

Мистер Кадам угрожающе взмахнул мечом. Это отвлекло Локеша, и он с любопытством повернулся к старику.

– У тебя рука мастера, дружище.

Мистер Кадам остановился и поднял меч, чтобы Локеш мог по достоинству оценить его.

– Он великолепен, не находишь?

– Определенно. Ладно, раз уж тебе так не терпится умереть за своих подопечных, я пойду тебе навстречу. К тому же будет так славно увидеть личико новобрачной, когда я сообщу ей о твоей смерти.

Мистер Кадам наставил лезвие на Локеша.

– Она никогда не будет твоей новобрачной. Она предназначена моему сыну. Мерзкий демон, ты больше никогда не дотронешься до нее!

– Демон? – Локеш злобно ухмыльнулся. – Мне нравится это слово.

Мистер Кадам сделал быстрый выпад мечом и рассек Локешу щеку. Тот отпрянул от неожиданности, поднял руку, потрогал теплую кровь, струйкой сбегавшую по его лицу. Но уже через секунду изумление Локеша сменилось дикой яростью. Он щелкнул пальцами и послал молнию в грудь мистера Кадама. Тело мистера Кадама едва заметно затуманилось, без всякого вреда пропуская через себя разряд.

Раздосадованный Локеш вызвал землетрясение, но мистер Кадам даже не шелохнулся. Тогда Локеш вскинул в воздух обе руки и забормотал какое-то древнее заклинание. Земля перед ним с грохотом содрогнулась, и из нее вылетел огромный черный меч.

– Похоже, ты все-таки выпросил себе благородную смерть, – оскалился Локеш.

Мистер Кадам улыбнулся, поднял свой меч и атаковал. Клинок у мистера Кадама был длиннее и легче, чем у Локеша, но он с большим трудом отражал удары толстого и тяжелого меча своего противника. Звон стали оглушительно разносился в морозном ночном воздухе. Противники выдыхали белые облачка пара.

Мистер Кадам двигался в бою более грациозно, осыпая руки и торс Локеша сериями стремительных ударов, но вероломный колдун то и дело пускал в ход свои магические силы. В какой-то момент он размахнулся и обрушил страшный удар на плечо мистера Кадама. Рука старика бессильно повисла, но он перекинул меч в другую.

Я заплакала. Кишан обнял меня за плечи, прижался щекой к моей щеке.

– Кадам одинаково хорошо владеет обеими руками, – прошептал он.

Меня так и подмывало пустить в ход свою огненную силу, чтобы помочь мистеру Кадаму, но Кишан, видимо, понял мое намерение и крепко переплел свои пальцы с моими. Локеш как будто не чувствовал мелких ран, они лишь еще сильнее разжигали его ярость, как быка распалюют уколы бандериллий. Теперь все смертоносное внимание колдуна сосредоточилось на мистере Кадаме. Но тот не дрогнул и даже не подумал отступить. Нет, он изящно увернулся от Локеша и продолжал разить и колоть.

Неожиданно Рен и Кишан одновременно подняли головы и принялись.

– Что такое? – прошептала я.

– Кошки, – ответил Рен.

В следующую секунду мимо нас прошли два крупных снежных барса. Возле куста они остановились, насторожив уши. Потом с шипением продолжили свой путь и бесшумно встали за спиной у Локеша. С другой стороны поляны показалась волчья стая. Здоровенный гималайский медведь вразвалку вышел к костру, встал на задние лапы и грозно зарычал на мистера Кадама. Волки стали хватать его за ноги, а барсы присели, выжидая момент, чтобы прыгнуть.

Локеш расхохотался, приветствуя своих друзей. Мистер Кадам задыхался, его фигура стала мерцать, то проявляясь, то снова пропадая. Барс прыгнул ему на спину. Мистер Кадам стряхнул его с себя, и большой кот с шипением рухнул прямо в стаю волков. Медведь бросился на мистера Кадама, но прошел сквозь него, как сквозь дым. Эта новая способность мистера Кадама поражала воображение, но, когда он повернулся, я увидела у него на спине кровавые отметины когтей.

– Мы должны ему помочь! – твердо приказала я.

– Нет, – отрезал Кишан.

– Он погибнет!

Рен дотронулся до моего лица.

– Он хотел, чтобы мы оставались в укрытии. У Кадама есть план, и мы должны ему доверять.

Волк впился в ногу мистера Кадама. Тот пронзил зверя мечом, но стал прихрамывать. Локеш в восторге кружил вокруг него.

– Сдаешься, старик?

– Нет, – ответил мистер Кадам.

– Замечательно!

Локеш быстро перешел в атаку и серией стремительных выпадов своего черного меча заставил своего противника попятиться – прямо на медведя. Тот с ревом полоснул когтями по бедру мистера Кадама, так что тот с криком упал на землю. Я зашипела сквозь стиснутые зубы и вцепилась в руку Кишана, боль мистера Кадама эхом отозвалась во мне – я еще не забыла, как в этих же горах меня терзал голодный медведь!

Всхлипнув, я втянула в себя воздух, вскочила и попробовала сбежать. Но не тут-то было. Я смогла убежать от Кишана, но только не от Рена. Он рывком повалил меня на землю. Я брыкалась, лягалась и дралась изо всех сил, но все было бесполезно. Слезы текли у меня из глаз, я умоляла, но братья меня не отпустили.

Тогда я разрыдалась, сраженная своей неудачей и предательством мужчин, которых я любила.

Больше я ничего не видела. Я только слышала рычание волков, жалобные повизгивания, рев медведя и звон клинков. Убитый горем Кишан гладил меня по волосам и вытирал мои слезы, но Рен даже не шелохнулся. Он держал меня мертвой хваткой.

Потом мелкие камешки брызнули на скалу, зазвенел упавший меч, раздался стон боли. Державший меня Рен вздрогнул всем телом, и мы услышали звук, который ни с чем нельзя перепутать: с таким звуком падает на землю человек. Глаза Рена наполнились слезами. Он опустил голову, и слезы скатились по щекам.

Кишан окаменел, его лицо застыло. Я вздрогнула, услышав гнусный смех Локеша.

– Мне больно смотреть, до чего ты себя довел, дружище. Ты же знаешь, я всегда побеждаю. Честное слово, мне безмерно жаль, что ты не сможешь передать мне руку моей сладкой невестушки. Уверен, она была бы рада.

В ответ прозвучал тихий шепот, сменившийся булькающим кашлем.

Я смяла в кулаке рубашку Рена и приподнялась, чтобы посмотреть, что происходит. Мистер Кадам лежал возле костра, пригвожденный к земле черным мечом, торчавшим у него из груди. Он судорожно хватал ртом воздух, пытаясь одной рукой дотянуться до своего меча.

У меня перехватило дыхание.

Устав от церемоний, Локеш злобно пнул мистера Кадама в раненую ногу.

– Это тебе за то, что отвлек меня от главной цели!

Он склонился над телом мистера Кадама и стал медленно поворачивать меч в его груди. Безумная улыбка расплылась по его лицу, когда умирающий надсадно закричал от боли.

– А это... за то, что испортил мой костюм!

Мистер Кадам захрипел и выдавил между приступами kloкочущего кашля:

– Тогда... возьми то... за чем... ты пришел.

Он замолчал и поднес дрожащую руку к своей шее. Одним резким движением мистер Кадам сорвал с себя амулет и протянул его Локешу, который не смог скрыть своей радости.

– Он станет твоей погибелью, – предрек мистер Кадам.

Жадные пальцы Локеша сомкнулись на драгоценном фрагменте амулета – и в ту же секунду чародей исчез, а призванные им хищники опрометью бросились в джунгли. Мы втроем выбежали на поляну и упали на колени перед нашим отцом и любимым наставником.

– Кадам! Кадам! – в отчаянии восклицали Рен и Кишан.

Струйка крови стекала из уголка рта мистера Кадама. Я сорвала с себя одну из своих бесчисленных рубашек и обернула ее вокруг меча, пытаясь остановить кровь, хлещущую из раны.

– Кишан! – заорала я. – Где камандалу?

Кишан потянулся за раковиной, всегда висевшей у него на шее, – и нащупал руками пустоту. Камандалу исчез.

– Ничего не понимаю... Я никогда его не снимаю!

Кишан бросился в палатку, и, пока он в панике перетряхивал наши постели в поисках бесценного дара русалки, я пожелала чашку воды, бережно приподняла голову мистера Кадама и поднесла чашу к его губам.

Когда я хотела попросить Ожерелье снова наполнить чашку, Рен обнял меня за талию и остановил.

– Меч проткнул ему легкое, Келси, и он потерял слишком много крови. Без камандалу... нам его не спасти.

Кишан вернулся и упал на колени возле меня.

– Он исчез! Я не могу его найти, – в отчаянии прошептал он.

Я услышала сиплый кашель, потом еле слышный шепот:

– Мисс Келси.

– Пожалуйста, не покидайте меня! – взмолилась я. – Я могу вам помочь! Только скажите, что нужно сделать.

Мистер Кадам приподнял руку, слабо погладил меня по щеке.

– Вы ничего... не можете сделать... Не плачьте. Я был... готов. Это я... забрал камандалу... Я знал, что это случится... Это... необхо... димо.

– Что? Как может быть необходимо умирать? Мы могли вам помочь, могли сразиться рядом с вами! Почему, ну почему вы приказали нам не вмешиваться?

– Если бы... вы... были здесь... исход был бы... другой... Это был... еди... единственный способ... уничтожить его.

Я закрыла глаза, тяжелые слезы потекли сквозь мои плотно зажмуренные веки. Когда я судорожно выдохнула, мистер Кадам снова зашептал, преодолевая боль.

– Я должен... сказать вам... я люблю вас... Так сильно... люблю.

– Я тоже вас люблю, – прорыдала я.

– Я так... горжусь вами. Всеми вами. – Он захрипел и перевел глаза на Рена. – Ты должен торопиться... Зако... закончить то, что мы... начали. – Он слабо сжал руку Рена. – Рен, ты... ты должен его найти... – еле слышно прошептал мистер Кадам. – Разущи его... в прошлом...

Рен кивнул и разрыдался. Слезы градом катились по лицу Кишана.

Мистер Кадам закрыл глаза. Его рука упала на землю, он тихо улыбнулся мне. Вся обратившись в слух, я ловила влажное бульканье в его легких, раздававшееся в такт дыханию, – раз, два... и все. Наш друг, советчик, наставник и отец умер. Он отдал жизнь ради чего-то, чего мы не понимали.

Глава 8

Прощание

Острое горе набухло у меня внутри и прорвалось, оставив меня опустошенной, бесчувственной и сломленной. Все недавние вопросы о нашем задании и странных словах мистера Кадама потеряли смысл, растворились где-то в темной бездне моего сознания.

Я взяла обмякшую руку мистера Кадама и гладила ее снова и снова, ожидая, что он сожмет мои пальцы. Но его рука не шевелилась. Кишан нежно обнял меня и хотел утешить, но я сидела как каменная, тупо глядя на тело мистера Кадама.

Рен вытащил меч из груди мистера Кадама и с ненавистью зашвырнул проклятый клинок в джунгли. Потом он упал на колени и уткнулся лицом в ладони. Мы трое сидели так до тех пор, пока не услышали в небе рокочущий звук.

Я настолько отупела от горя, что смутно подумала, уж не стимфалийские ли птицы летят на нас, но через несколько секунд резкие порывы ветра всколыхнули деревья и свет прожекторов упал на траву. Задрав голову, я увидела темные очертания приземляющегося вертолета. Потом послышался топот бегущих ног, и Нилима с рыданием упала на землю рядом со мной. Она положила голову своего дедушки себе на колени и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Вскоре вокруг нас снова воцарилась ночная тишина.

Кишан и Нилима о чем-то тихо заговорили на хинди. Потом они встали и пошли в лагерь, чтобы собрать наши вещи и загрузить их в вертолет. Кишан вытащил из рюкзака Шарф. Бережно сложив руки мистера Кадама на груди, он коснулся его лба и прошептал свою просьбу переливающейся ткани.

Шарф медленно всколыхнулся и начал ткать темное полотно, чтобы обмотать им тело мистера Кадама. Я сидела и смотрела, словно сквозь туман, как создается погребальный саван. Когда все было закончено, Кишан потряс Рена за плечо и что-то сказал на хинди. Братья вместе подняли тело мистера Кадама.

Я услышала, как снова ожил двигатель вертолета. Я знала, что должна встать, но не могла. Рен присел рядом со мной, я увидела его блестящие от слез глаза и снова почувствовала подступающие рыдания. Я обхватила Рена за шею, он обнял меня, и мы вместе поплакали, прежде чем он отнес меня на руках в вертолет. Нилима, вся на нервах, переключила какие-то рычаги, вытерла слезы и подняла нас в воздух.

Когда мы взлетели, я безжизненно уставилась на спеленатое тело, лежавшее у наших ног. Рен обнял меня и погладил по спине, но даже его прикосновение не смогло унять мою дрожь. В какой-то момент нашего долгого обратного пути Рен снова превратился в тигра и положил голову мне на колени. Время он времени он тихо, печально рычал. Я зарылась лицом в его белую шерсть, обвила руками за шею. Машинально поглаживая своего тигра, чтобы хоть немного его утешить, я незаметно для себя забылась и уснула.

Когда мы приземлились на площадку возле дома, было два часа ночи. Рен и Кишан понесли спеленатое тело мистера Кадама в зал для занятий боевыми искусствами, а мы с Нилимой поднялись наверх. Я рухнула на ближайший стул, как сломанная марионетка, а когда Нилима принесла мне лимонной воды со льдом, снова зарыдала.

Мальчики вернулись как раз в тот момент, когда в дверь позвонили. На крыльце стоял Мерфи, старый пилот мистера Кадама, помогавший нам добраться до лагеря байга в джунглях.

– Простите, что явился в столь поздний час, но Кадам попросил меня прийти именно в это время, – объяснил старик. – Несколько недель тому назад он оставил мне подробнейшие инструкции, велел лететь сюда и доставить письмо. Он написал, что после того, как вы прочтете его письмо, я должен буду перебросить вас в другое место. Вот так-то. У вас тут все в порядке?

– Прошу вас, зайдите в дом, – с усилием выдавила Нилима. – Боюсь... мистер Кадам... он... он умер.

Лицо старика сморщилось. Трясущейся рукой он протянул Рену белый конверт, надписанный знакомым каллиграфическим почерком мистера Кадама.

Мы все собрались в гостиной, и Рен, быстро пробежав письмо глазами, прочитал вслух:

– «Я хочу быть похороненным в простом деревянном гробу рядом с родителями Рена и Кишана. Выглаженный костюм вы найдете в гардеробной у входа...» – Рен прервался, помолчал. – Он так буднично пишет о собственной смерти!

Нилима потрепала Мерфи по руке.

Тот сжал ее пальцы и воскликнул:

– Не могу сказать, как соболезную вам, мисс! Если я могу что-то сделать, вы только скажите. Он был редким человеком!

– Да... был. – Голос у Нилимы сорвался, и мы снова погрузились в молчание.

Время будто замедлилось. В голове у меня стоял туман. Я сидела в кресле – оступевшая, бесчувственная, переполненная горем – и слушала оставшуюся часть письма мистера Кадама, но едва ли слышала хоть слово. Я подняла голову, только когда Кишан присел на корточки перед моим стулом и погладил меня по щеке.

Он тихо сказал:

– Мерфи отвезет нас в джунгли, туда, где мы впервые встретились. Кадам пишет, что его гроб уже там. Он хотел быть похороненным возле садика нашей матери, чтобы мы вспоминали его в том месте, где все началось и закончится. Я не понимаю, что это значит, но мы обязаны исполнить его последнюю волю. Если не хочешь лететь с нами, можешь остаться.

Я затрясла головой.

– Нет. Я хочу поехать, только мне нужно переодеться во что-то подходящее для похорон.

Не знаю, как я смогла заставить себя подняться наверх и умыться. Потом я вошла в свою комнату и с ходу забраковала несколько вещей. И тут на меня нашло какое-то помрачение. Я перевернула вверх дном свою гардеробную, я срывала вещи с плечиков и разбрасывала их по всей комнате. Я рвала целлофановые упаковки на новых платьях, комкала юбки и швыряла их об стены, как мячи.

Когда этого мне показалось мало, я принялась за обувь. Сначала я взялась за самую тяжелую и стала метать ее в стены. Израсходовав все снаряды, я пустила в ход кулаки. Я лупила по стене до тех пор, пока не содрала кожу на костяшках. Тогда, обливаясь слезами, я рухнула на растерзанную кучу обуви и разрыдалась.

Чья-то тень упала на меня.

– Что мне сделать? – спросил Рен. Он сел на пол в моей гардеробной, усадил меня к себе на колени.

– Мне нечего надеть, – всхлипнула я.

– Я уже вижу. Какой-то злодей разгромил твою гардеробную, пока нас не было.

Я судорожно рассмеялась, потом снова зарыдала.

– Я... я тебе когда-нибудь рассказывала о похоронах моих родителей? Мне хотелось сказать надгробное слово. Я собиралась рассказать о моих маме и папе, но когда пришло время... я не смогла произнести ни слова.

Рен вытер пальцами мои слезы.

– Трудно ожидать иного от девочки, пережившей такое потрясение.

– Но я же хотела! Я хотела, чтобы все пришедшие узнали, какие у меня были замечательные родители! Чтобы все услышали, кем они были для меня. Сколько для меня значили. Я хотела, чтобы все узнали, как я их любила!

Рен молча убрал волосы с моей мокрой щеки, заправил их за ухо.

– Но когда настало время, я забыла все слова. Я стояла, смотрела на два гроба и не могла ничего сказать. Мои родители заслуживали другого! Они заслуживали, чтобы их помнили и любили, чтобы о них рассказали! А я их подвела!

– Я абсолютно уверен, что они никогда бы так не подумали.

– У меня была последняя возможность воздать им почести, а я все испортила! Как ты не понимаешь? Я не хочу поступить с мистером Кадамом так же!

– Келси, – вздохнул Рен. – Ты чтить своих родителей каждым днем своей жизни. Тебе не нужно произносить речи, чтобы показать, как сильно ты их любишь. Твои мама и папа не хотели бы, чтобы ты вечно несла такое бремя. Они любили тебя. И Кадам тебя любил. Тебе не нужно ни говорить правильные слова, ни подбирать идеальное платье. Ты чтить тех, кого любила, своей жизнью – тем, что ты такой прекрасный, редкий, замечательный человек.

– Ты всегда находишь самые нужные слова, да? Спасибо, – прошептала я, судорожно прижимая к себе туфли.

Рен погладил меня по щеке и вышел.

Я быстро приняла душ, яростно оттерла мочалкой свое распухшее от слез лицо. Переодевшись, я убрала волосы в пучок на затылке и поспешила вниз. Рен и Кишан тоже успели вымыться и переодеться. Оба были в сорочках и галстуках, и, хотя мы находились в джунглях, эта официальная одежда сейчас выглядела уместной.

Кишан отвез нас на частный аэродром, расположенный в нескольких милях от дома.

Когда мы забрались в старенький винтовой самолет, Мерфи склонился над приборной доской и сказал:

– Кадам любил эту машину. Это же не что-нибудь, а «Локхид Электра», модель 10 Е. Старушка успела повоевать во Второй мировой. Однажды Кадам сказал мне, что на таком вот самолете Амелия Эрхарт совершила свой знаменитый последний полет.

Эта лекция вызвала у меня улыбку. Я вспомнила, как любил мистер Кадам вываливать на наши головы подробнейшую информацию о своих бесчисленных технических игрушках. Но улыбка быстро погасла, стоило мне взглянуть на Нилиму, сидевшую через проход от нас. Смерть мистера Кадама страшно потрясла ее. Растрепанные волосы спутанными прядями висели вдоль ее опухшего от слез лица, ее красивая белая блузка была вся в пятнах от грязных рук. Нилима откинулась головой на спинку кресла и устало закрыла глаза.

Мерфи мягко поднял нас в воздух, и вскоре мерный гул двигателей и немыслимое напряжение последних двадцати четырех часов сделали свое дело, погрузив меня в тяжелый, беспокойный сон.

Мне снилось, что молодой Локеш пытается монаха.

– Расскажи мне об амулете, старик! – рычал Локеш.

Монах пронзительно закричал:

– Перестаньте! Умоляю вас, сжальтесь!

– Я сжалюсь, как только ты расскажешь мне все, что я желаю услышать.

Обессиленный монах слабо кивнул и лихорадочно заговорил:

– За несколько столетий до рождения моего наставника в мире разразилась большая война. Все могучие царства Востока объединились против демона. И явилась тогда богиня с двумя лицами: одно было темным и прекрасным, а второе сияло ярче десяти солнц. Великая богиня повела объединенное войско на бой с демоном. Армии Востока разбили противника наголову, и в благодарность богиня одарила каждое царство.

– И какое отношение вся эта древняя чепуха имеет к амулету? – нетерпеливо рявкнул Локеш, выкручивая руку монаху.

– Позвольте... позвольте мне договорить, – прохрипел несчастный. – Богиня сняла со своей шеи амулет и разломала его на пять частей. Она дала каждому царю по одной частице, но

не просто так, а с наказом хранить в строжайшей тайне происхождение амулета и использовать его только на благо своего народа. Каждый царь дал слово беречь амулет и передавать его по наследству старшему сыну.

– Отвечай, какие царства принимали участие в той битве!

– Это были...

Тут Рен разбудил меня, и сон оборвался.

– Приземляемся, – тихо сказал он.

Я выглянула в окно, но не увидела внизу ничего, кроме зеленого моря джунглей.

– Куда приземляемся?

Тут самолет развернулся, а Рен показал рукой на один из иллюминаторов.

– Туда.

Утреннее солнце ударило мне в глаза, ослепив на мгновение. Потом самолет выполнил разворот вправо, и я увидела внизу сверкающую поверхность реки и грунтовую посадочную полосу. Река, судя по всему, должна была вести к нашему старому лагерю возле водопада, но никакой взлетно-посадочной полосы в этом месте я решительно не помнила.

– Откуда тут это взялось? – спросила я.

– Понятия не имею, – ответил Кишан. – Эту часть джунглей я знаю как свои пять пальцев и головой ручаюсь, что тут никогда даже поляны не было, не говоря уже о месте для посадки целого самолета!

– Держитесь, ребята, – предупредил Мерфи. – Сейчас будет довольно жестко.

Он описал еще один круг над джунглями и начал снижаться. Я услышала, как верхушки деревьев прошелестели по брюху самолета. Когда шасси коснулись земли, наш старенький летательный аппарат с рычанием запрыгал и затрясся, грозя развалиться на куски, но Мерфи хладнокровно вырулил и остановился, а мы все благополучно выбрались наружу.

В своем письме мистер Кадам просил Рена и Кишана выкопать ему могилу в саду. Принцы в скорбном молчании унесли тело умершего вниз по склону, а мы с Мерфи и Нилимой присели в теньке, приготовившись ждать.

– Это же уму непостижимо, а? – пожаловался Мерфи. – Надо ж удумать такое – велеть похоронить себя в глуши, на краю света! Нет, вы как хотите, а я никогда этого не пойму!

Я сочувственно погладила старика по руке, но не стала его разубеждать, зато уговорила Нилиму выпить немного сока. Было очень жарко. В джунглях даже в декабре гораздо теплее, чем в самые знойные летние деньки у нас в Орегоне. Меньше чем за сутки мы переместились из гималайской зимы в тропики.

Мерфи тем временем продолжал говорить. К счастью, он не нуждался в собеседниках, потому что Нилима не проронила ни слова.

– Вы знаете, когда мы с Кадамом впервые встретились? О, это было давненько, в Китае, во время Второй мировой. Мы с ним сошлись еще до того, как Америка вступила в войну, еще до «Летающего тигра» – так называлось наше добровольческое военно-воздушное подразделение. Во время войны Кадам не раз приходил к нам на помощь в трудных случаях. Он частенько бывал за переводчика у нашего командира, старшины Шеннолта. Кадам в те годы владел компанией, занимавшейся обслуживанием наших самолетов, «Кёртиссов Р-40», так что он несколько раз приезжал к нам, расспрашивал пилотов, все допытывался, что и как можно улучшить. Как-то раз, когда наш переводчик был в отъезде, Кадам предложил свою помощь. С тех пор он в каждый свой приезд непременно останавливался в штабе.

Надо мной он вечно подшучивал, все больше за мою бесшабашность, ведь я был тогда восемнадцатилетним мальчишкой из эскадрильи «Ангелы ада», влюбленным в небо и моторы. Эта страсть нас и сблизила. В жизни не встречал человека, так одержимого авиацией, как наш старина Кадам!

– Выходит, вы очень давно его знали, – прошептала я.

– Да, так и есть. Мы с ним быстро сдружились. После войны я вернулся в Штаты. Представьте, как я поразился, когда через несколько десятилетий он вдруг разыскал меня! И главное – выглядел точь-в-точь как тогда, когда мы с ним виделись в последний раз! Представляете? Сказал, что ищет пилотов для своей новой авиакомпании «Летающий тигр». Ясное дело, я ни секунды не колебался! Вот с той поры мы снова были вместе. Вы не поверите, за это время Кадам не постарел ни на денек – не то что я! Уж сколько я его пытал, все просил поделиться секретом, да он так никогда мне ничего и не рассказал...

Я посмотрела на Мерфи, не вполне понимая, к чему он клонит, но старик только добродушно расхохотался.

– Эх, да ведь за эти годы и я выучился не задавать Кадаму лишних вопросов. Секретов у него было, скажу вам, выше крыши, но я не встречал человека лучше и благороднее, чем он... Вот уж никогда не думал, что он уйдет раньше меня...

Чем больше Мерфи говорил, тем сильнее я погружалась в собственные воспоминания о мистере Кадаме. Даже Нилима слегка оживилась, слушая нескончаемый рассказ старика, и мы не заметили, как пролетело время и вернулись братья.

Кишан подал мне руку, помог подняться.

– Земля оказалась совсем мягкая, сама шла на лопату. Все это очень странно.

Рен и Кишан взяли гроб мистера Кадама, и мы медленно двинулись в сторону кладбищенского участка. Первым, что бросилось мне в глаза, был ветхий домик. Наверное, когда-то давно он был очень красивым. Обветшалая галерея соединяла домик с соседним зданием, а кругом стеной стояли разросшиеся джунгли. Крыша жилища давно прохудилась, и теперь под ней гнездились птицы, но кое-где еще виднелись остатки черепичного покрытия.

Мы пришли в маленький садик, окруженный манговыми деревьями. Обезьяны встретили нас шумной переключкой. Несмотря на зимнюю пору, я увидела несколько сморщенных дыnek и даже парочку перезревших, гниющих тыкв.

Но вот дорожка сделала поворот, и я шумно сглотнула, увидев пустую могилу. Рен и Кишан молча высвободили тело мистера Кадама из савана и переложили в простой деревянный гроб. Он лежал в своем красивом костюме, элегантный и безмятежный, и я вдруг с содроганием поняла, что именно этот костюм был на мистере Кадаме в день нашей с ним первой встречи в цирке... Не в силах больше смотреть на него, я отошла в сторону и провела рукой по большому надгробному камню. Ползучие растения джунглей заплели надписи на камне. Земля вокруг заросла густой травой, высокие деревья бросали тень на маленькое кладбище. Это было очень тихое, очень спокойное место. В тени было прохладно, легкий ветерок шелестел листвой над нашими головами.

– Это могила нашего отца. Видимо, Кадам недавно поставил здесь этот камень. Старые деревянные надгробия давным-давно сгнили, – сказал Кишан, наклонившись, чтобы прочесть вязь слов на санскрите, высеченных на надгробии.

– Что тут написано? – шепотом спросила я, остановившись взглядом на выбитом в камне цветке лотоса.

– «Раджарам, любимый муж и отец, забытый владыка империи Муджулайн. Он правил своей страной с мудростью, зоркостью, храбростью и состраданием».

– Те же слова, что выбиты на печати!

– Да. Похоже, это почти цитата.

Рен присел перед могилой своей матери и прочитал вслух:

– «Дэчень, возлюбленная жена и мать».

Братья молча постояли перед могилой матери, и я тоже вспомнила о своих родителях. Обернувшись, я смотрела на домик, стоявший на вершине холма, и гадала, навещают ли души ушедших Дэчень и Раджарама это место, присматривают ли они за своим домом и сыновьями...

– Какое чудесное место, – еле слышно прошептала я.

– Да, – ответил Кишан. – Но когда мы копали могилу, то нашли кое-что очень странное...

– Тигриные кости, – негромко вставил Рен.

«Тигриные кости?! Нужно не забыть непременно расспросить об этом мистера Ка... Ой...» Я забыла, пусть на долю мгновения, но забыла. Слезы снова навернулись мне на глаза. Я с шипением втянула в себя воздух, зная, что пора.

Рен дотронулся до моей щеки.

– Ты готова?

– Да, – пискнула я.

Рен взял церемонию в свои руки и первым делом спросил, не хочет ли Мерфи сказать что-нибудь. Старик затряс головой, шумно высморкался в носовой платок.

– Он... Да он и так знал, как я его люблю... – всхлипнул он.

Нилима тоже отказалась произнести надгробное слово, она лишь подняла на нас измученные глаза и молча покачала головой.

Тогда Кишан шагнул вперед и сказал:

– Ты пал смертью воина. Ты положил свою жизнь на службу своему государю, своей стране и своей семье. Сегодня мы с почестями провожаем тебя к предкам. Ты щедро одарил всех нас, научив нас всему, что мы знаем. Ты был нашим мудрым советчиком, нашим примером, нашим самым преданным воином и нашим любимым отцом. Я преклоняюсь перед всем, что ты сделал. Я преклоняюсь перед твоей верностью. Я преклоняюсь перед твоим великодушием. Было огромной честью жить рядом с тобой и сражаться бок о бок. Пусть твоя уставшая душа найдет покой и отдохновение от земных забот. Мы же никогда не расстанемся с тобой, ибо ты будешь всегда жить в нашей памяти и в наших сердцах.

Когда Кишан вернулся на свое место, Рен едва заметно сжал мою руку. Настала моя очередь. Я вытерла слезы и прочитала стихотворение.

*Мертвым рыцаря ее
В дом внесли. Она – как камень.
«Не заплачет, так умрет!» —
Все придворные сказали.*

*Стали мертвого хвалить —
Мол, любви он был достоин,
Верный муж и славный воин,
А она – стоит, молчит.*

*Вот прислужница ее
Тихо подошла ко гробу,
Подняла с лица покров,
А она – ни слез, ни слова.*

*Няня дряхлая молчком
Подала ей в руки сына.
Слезы хлынули ручьем —
«Для тебя жить буду, милый».*

Альфред Теннисон

Нилима тихо заплакала на плече Кишана, а я продолжала:

– Так же, как и молодой вдове из этого стихотворения, мне трудно выразить свои чувства. Мистер Кадам, вы были моим приемным отцом, я привязана к вам, как к самой себе. – Я всхлипнула, мой голос сорвался. – Не знаю, как я смогу жить без вас. Мне... мне уже сейчас так вас не хватает! Даю вам слово, что сделаю все, чтобы помочь вашим принципам, и всегда-всегда буду вас помнить с уважением и благодарностью. Я люблю вас.

Кишан обнял меня за плечи, я прильнула к нему и обвила руками за пояс. Последним сказал слово Рен.

– Кишан произнес прощальное слово воину, и я хочу добавить к нему несколько слов. Ты был мне отцом и другом. Ты был опорой в несчастье, твердыней в любых испытаниях. Ты был героем и заслужил памятник. Мы же скромно воздаем тебе дань нашего уважения, восхищения и любви.

После этого он прочитал стихотворение, которое принес с собой.

ПОКИНУТЫЙ ДОМ

*Жизнь и Мысль оставили дом —
Дружные беглецы.
Двери настезь, окна вон —
Беспечные жильцы.*

*Тьма внутри теперь царит,
Свет в окошках не горит,
И онемела болтливая дверь,
Где теперь песня ее петель?*

*Дверь закрой, захлопни ставни,
Чтобы в окнах не увидеть
Дома навеки оставленного
Темную безблагодать.*

*Уходи: здесь веселья не жди,
Здесь голос умолк живой.
Дом был выстроен из земли
И снова станет землей.*

*Уходи, ибо Мысль и Жизнь
Навсегда отсюда ушли.
Они в дальнем граде сияющем,
В великом граде блистающем,
Нетленный чертог обрели.
И с нами остаться уже не смогли.*

Альфред Теннисон

– Мой друг, с твоей смертью мы все осиротели. Будем надеяться, что мы сумеем жить дальше так, чтобы ты мог нами гордиться. Я надеюсь, что ты обрел свой чертог нетленный, ибо если кто-то и заслужил его, то это ты.

Вся дрожа, я смотрела, как Рен и Кишан подходят к гробу, чтобы закрыть крышку. Поддавшись порыву, я попросила Шарф сделать мне одну белую розу. Нити послушно зашевелились под моей рукой, а когда все было готово, я бережно положила мой дар в гроб. Потом крышка опустилась, навсегда закрыв любимое лицо мистера Кадама.

Глава 9

Голоса ушедших

С тяжелым сердцем я уходила с кладбища. Прикрыв глаза ладонью, я посмотрела на крышу старого домика. Пальмы, папоротники и толстые узловатые деревья росли здесь в таком строгом порядке, что сразу было видно: когда-то их рассаживала заботливая рука. Старая деревянная лестница с проржавевшими перилами вела к домику, со всех сторон окруженному широкой верандой на бамбуковых столбах.

Когда Нилима и Мерфи отправились к самолету, я смахнула пыль с нижней ступеньки и села ждать Рена и Кишана, успокаивая сердце твердыми клятвами непременно вернуться сюда после того, как мы снимем проклятие. Я так глубоко ушла в свои мысли, что опомнилась, только услышав шаги Рена и Кишана, выходявших из-за угла.

Пытаясь хоть ненадолго отвлечься от нашей утраты, я попросила Ожерелье сделать нам по стакану холодной воды, и мы молча выпили ее на ступеньках. Потом я рассказала братьям о странном сне, приснившемся мне в самолете.

– Как вы думаете, что это значит?

– Не знаю, – ответил Рен. – Может быть, твоя связь с Локешем стала еще сильнее после того, как он заполучил четвертый фрагмент амулета.

– Или Кадам посылает Келси эти сны, – высказал предположение Кишан. – Как в тот раз, когда она увидела его во сне после своего освобождения.

– Этот вариант нравится мне гораздо больше, – призналась я.

Рен присел на корточки передо мной, дотронулся до моей щеки.

– Мне тоже.

– Мы выясним, что это значит, Келлс, – сказал Кишан. Он кивнул в сторону дома, в котором его семья скрывалась после проклятия, и предложил: – Не хочешь заглянуть туда? – Он взял меня за руку и повел по ступенькам. – Построено на совесть, не сомневайся! Хотя небольшой ремонт, конечно, не помешал бы.

Я провела ладонью по бугристым деревянным перилам.

– Учитывая, сколько времени прошло, здесь все в отличном состоянии.

Домик был выстроен из гладкоструганых досок. Совсем простой внутри и снаружи. Пол, покрытый простой бамбуковой циновкой, резной стол со стульями. В противоположном углу примостился столик с умывальным тазом. На полочке аккуратной стопкой высились миски из выдолбленных тыкв-горлянок, на деревянной столешнице еще можно было разглядеть истлевшие остатки кухонного полотенца.

Смахнув паутину и пыль с какого-то странного предмета, я обнаружила щетку для волос с резной рукоятью из слоновой кости.

– Можно я возьму ее себе?

Кишан нежно улыбнулся и ответил:

– Я не против, *билаута*.

– Вы с Реном тоже тут спали?

Он покачал головой.

– В ту пору мы все время были тиграми, поэтому спали в джунглях или возле лестницы, чтобы охранять дом. Иногда мы ночевали в домике Кадама, в том, что напротив. В плохую погоду мама просила нас оставаться под крышей, но в остальное время мы старались не стеснять родителей. – Он взял меня за руку и повел к двери.

– Как тебе кажется, они были счастливы здесь? – спросила я. – Ведь им пришлось покинуть дворец, лишиться всех своих богатств и поселиться в простой хижине среди леса!

Кишан остановился возле стола, посмотрел на меня.

– Да. Они были счастливы здесь. – Он бережно провел кончиками пальцев по моей щеке. – Когда твоя жизнь полна любви, тебе больше ничего не нужно.

Я медленно прошла по комнате, думая о родителях Кишана, о мистере Кадаме и обо всем, что ему довелось пережить за свою долгую жизнь. Я так мало знала его! И так хотела узнать больше... Слеза сбежала по моей щеке. «Теперь я никогда уже не узнаю...»

Кишан терпеливо смотрел, как я дотрагиваюсь до каждой пыльной вещи в комнате.

– Ты его любишь, Келлс?

– Да, – ответила я, сразу поняв, о ком он спрашивает.

– А меня ты любишь?

– Да.

– Ты уверена, что хочешь остаться со мной?

– Да.

Кишан улыбнулся.

– Отлично. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива! – С этими словами он обнял меня.

Я вздохнула и положила голову ему на плечо.

– Кишан... Чтобы у нас с тобой все было хорошо, мы должны расстаться с Реном. Я не смогу быть с тобой по-настоящему, пока он рядом. Это будет слишком тяжело для всех нас.

Он поцеловал меня в лоб.

– Значит, уедем. Как только найдем четвертый дар, сразу же и уедем.

– Ты готов ради меня покинуть Индию?

– И глазом не моргну!

Я медленно, судорожно вздохнула. Когда мы выходили, я дотронулась до руки Кишана.

– Я хотела бы когда-нибудь вернуться сюда. Расчистить участок от джунглей, посадить цветы на могиле мистера Кадама.

Кишан улыбнулся и снова поцеловал меня в лоб.

– Значит, будем возвращаться так часто, как ты захочешь.

Когда мы были уже возле лестницы, я спросила:

– Как ты думаешь, ты смог бы самостоятельно починить этот домик?

– Почему ты спрашиваешь? – Кишан одним прыжком перемахнул через несколько провалившихся ступенек и с кошачьей грацией приземлился внизу.

– Я подумала, что было бы хорошо иногда останавливаться здесь, – ответила я, спрыгивая следом за ним. – Ведь это особенное место для тебя, для твоей семьи. Это твой дом. – Я потрогала кожаный браслет на руке Кишана, который подарила ему в Махабалиपुरаме. – Я хочу, чтобы ты чувствовал, что я помню и уважаю твое прошлое.

Он обнял меня.

– Мой дом – это ты, Келлси. Где ты, там я и дома.

Рен сидел на нижней ступеньке лестницы и строгал палочку каким-то старым ножом. Покосившись на наши сплетенные руки, он нахмурился и сказал:

– Я нашел тут в земле старый отцовский охотничий нож.

– Рен, если ты не возражаешь, мы с Кишаном хотели бы когда-нибудь вернуться сюда и отремонтировать этот дом, – нерешительно сказала я. – Строго говоря, здесь все принадлежит тебе как наследнику...

Он хмыкнул и резко встал.

– Мои права наследника ничего не значат. – Рен впился глазами в лицо Кишана. – Значит, вы решили свить себе здесь уютное гнездышко? Голубкам нужно место, которое можно назвать домом, верно?

Я сделала шаг в его сторону.

– Рен, не нужно.

– Что не нужно, Келси? Реагировать? Чувствовать? Говорить? Что из перечисленного я, по твоему мнению, не должен делать?

– Рен, я не хочу ссориться. Не сегодня. *Пожалуйста.*

Он поднял на меня заплаканные глаза, несколько мгновений молча всматривался в мое лицо, потом устало отвернулся.

– Делайте здесь что хотите. Мне все равно. Мне теперь вообще все равно.

И он зашагал прочь от нас к самолету.

Как только мы пришли, Мерфи поднял самолет и отвез нас обратно домой. Попрошавшись с пилотом, мы с братьями пошли на кухню, где нашли рыдающую Нилиму.

– Он знал, что это случится! Он все спланировал заранее! – воскликнула она.

Я обняла ее вздрагивающие от рыданий плечи.

– О чем ты говоришь?

Нилима громко шмыгнула носом и бросилась к кухонному столу. Схватив грудой листов и большой конверт из желтой оберточной бумаги, Нилима потрясла всей этой кипой в воздухе и закричала:

– Вот что я нашла! Он оставил это для нас! Он все спланировал!

Рен участливо погладил ее по руке, потом взял документы, бегло проглядел их и нахмурился.

– Келси, думаю, ты должна прочесть это вслух. Не возражаешь?

Конверт был послан срочной почтой из адвокатской конторы в Мумбаи. Первым документов было письмо. Я взяла его и начала читать.

Мои дорогие.

Когда вы получите это письмо, меня уже не будет в живых. Я знаю, у вас есть множество вопросов, на которые я не мог ответить раньше, как не мог до поры рассказать вам о многом другом.

Полагаю, вам уже известно, что амулет, который я носил все это время, защищал меня от мелких ран, ограждал от болезней и продлевал мне жизнь. Однако мы даже не подозревали, какими еще силами он обладает.

Мой фрагмент амулета контролирует время и пространство. Я открыл эту – вероятно, самую опасную – возможность совершенно случайно, когда попытался спасти Нилиму на борту яхты. Амулет перенес нас обоих прочь от опасности и отправил куда-то в космос.

У меня ушло немало времени на то, чтобы разобраться в случившемся и научиться управлять этой новой силой. Я сумел стереть в памяти Нилимы все подробности нашего путешествия. Прости меня, дитя мое, но я желал только одного: чтобы хоть один из нас смог оправиться от пережитого и вернуться к нормальной жизни. Я научился путешествовать во времени. Я узнал о Вселенной больше, чем следует знать обычному человеку. Поверь, дорогая, знать свое будущее – это страшное бремя. Я хотел избавить тебя от него.

Дети мои, знайте, что, если бы существовала хоть малейшая возможность достичь успеха, не принося себя в жертву, я бы сейчас был вместе с вами. Я бы очень хотел помочь вам завершить последнее задание

Дурги и покачать на коленях ваших детей, мисс Келси. Мне было очень тяжело расстаться со всеми вами, но поверьте, это было необходимо.

Если бы я остался в живых, один из вас или вы все погибли бы. Я не мог этого допустить. Когда Локеш забрал мой амулет, я в последний раз воспользовался его силой, чтобы отправить нашего смертельного врага в далекое прошлое, туда, где ему было суждено оказаться. Но это не означает, что он исчез навсегда и что вам больше ничто не угрожает.

Мне точно известно, что вам с самого начала было суждено победить Локеша и что единственный способ это сделать – использовать силу тигра.

Рен и Кишан, дети мои! Знайте, что эта сила еще в глубокой древности была предназначена двум достойным сыновьям Индии, и, хотя сейчас я не могу сказать вам большего, верьте, что я считаю вас самыми храбрыми и самыми благородными воинами нашей страны. Судьба не ошиблась в выборе. Вам, мои сыновья, доверены жизни множества людей. Тщательно взвешивайте каждый свой поступок. Впереди вас ждет очень много работы.

Мисс Келси, я завещаю вам свою библиотеку. Все книги, которые я собирал на протяжении долгих лет, отныне принадлежат вам. Я не знаю, останетесь ли вы здесь или захотите уехать из Индии после замужества, но книги всегда будут вашими. Вы были мне дочерью, и этот подарок ничего не значит по сравнению с тем, что вы дали мне.

Мисс Келси, внимательно читайте книги, в которых говорится о рождении Дурги. Эти знания помогут вам в вашем поиске. Берегите Рена и Кишана, вы нужны им обоим, и храните, как зеницу ока, свой фрагмент амулета. Отныне это – единственное, что защищает мир от Локеша, а он не остановится ни перед чем, чтобы завладеть последней частицей своей абсолютной власти.

Тот Локеш, которого вы знали, был смертным человеком, но, очутившись в прошлом, он предался злу и отдал свою душу на пожизну тьме. С помощью амулета и черной магии он превратился в демона, и хотя ему суждено попасть к вам в руки, случится это не здесь и не в наше время. Чтобы сокрушить демона, вам придется отправиться в прошлое и сразиться с ним в период его наивысшего могущества.

Я перевел для вас четвертую часть пророчества. Нилима отвезет вас на Андаманские острова, откуда вам предстоит отправиться на поиски Города света. Не бойтесь огня, мисс Келси, ибо, если вы будете готовы, он не сожжет вас. Дар, который вы ищете на этот раз, называется «Огненная вервь». Она перенесет вас в то время и в то место, куда я послал Локеша. Там вы встретите проводника, который поможет вам в грядущей битве. Пользоваться вервью очень просто – представьте себе, куда хотите перенестись, а затем хлестните вервью, как бичом. В тот же миг перед вами откроется воронка, через которую вы попадете куда вам нужно.

Нилима пусть останется дома, ей придется заняться всеми проблемами, которые возникнут у компании после моей смерти. Если она отправится с вами, то погибнет! Прошу, не отпускайте ее!

Я бы очень хотел быть с вами в этом поиске. Я бы хотел рассказать вам все. Но верьте моему слову – я видел всех вас в будущем и знаю, что вы победите. Вы одолеете чудовище. Положитесь друг на друга, доверяйте друг другу. Дети мои, я знаю, что всех вас ждет долгая жизнь, полная любви и счастья.

А теперь, чтобы немного поднять ваш дух, я расскажу вам сказку о царе и царевиче.

Когда у царя родился сын, придворный оракул предсказал, что на четвертый день после свадьбы царевич умрет от укуса змеи. Перепуганный царь поклялся, что его сын никогда не женится, и научил сына выискивать недостатки в каждой принцессе, искавшей его руки.

Шли годы, и вот однажды, когда царь был в отъезде, юная девушка ворвалась в царский замок и обвинила царевича в том, что ее отец невинно брошен в темницу.

Царевич был изумлен. До сих пор ни одна женщина не смела разговаривать с ним в таком тоне. Памятуя отцовские уроки, он привычно отметил грязь на щеке у девушки и то, что один глаз у нее чуть темнее, чем другой. Но девушка продолжала молить, и постепенно царевич позабыл обо всех недостатках просительницы, зато обратил внимание на сладостные изгибы ее фигуры, на блеск ее синих глаз и сияние блестящих черных волос.

Царевич приказал освободить отца девушки. Но вместо того, чтобы рассыпаться в благодарностях, девица лишь холодно поклонилась, отчего царевич еще сильнее влюбился в нее. Он немедленно признался ей в своих чувствах, но гордая девица ответила ему презрительным отказом. Однако царевич не привык отступать. В конце концов его настойчивость покорила неприступное сердце девушки, и она полюбила его столь же страстно, как до этого ненавидела.

Несмотря на опасения царя, молодые люди поженились, и после свадьбы отец царевича рассказал своей юной невестке о пророчестве оракула. На четвертый день после свадьбы новобрачная принесла в спальню все золото, серебро и все драгоценности, какие только были во дворце. Всю ночь молодые не смыкали глаз, ожидая появления змеи. Девушка зажгла в спальне все лампы, а чтобы не дать своему мужу уснуть, рассказывала ему сказки и пела песни.

В самый глухой ночной час бог смерти Яма, владыка преисподней, явился во дворец в обличье кобры, но был ослеплен блеском сокровищ, лежавших на полу. Словно замороженный, он до рассвета раскачивался под веселую песенку царевны, а с первыми лучами солнца уполз прочь, не исполнив пророчества.

Зачем я рассказал вам эту историю? По двум причинам. Во-первых, я хочу, чтобы вы всегда помнили: даже следуя по пути предназначения, которого вы не выбирали, у вас остается свобода самостоятельно вершить свои судьбы. А во-вторых, больше всего на свете я хочу, чтобы вы были счастливы. Эта сказка – прекрасный пример того, как люди могут изменить свою судьбу, даже самую страшную.

Я хочу, чтобы вы знали: я тоже сам избрал свою судьбу и не хотел бы ни лучшей смерти, ни большей надежды на грядущую победу. Не оплакивайте меня, дети мои! Постарайтесь понять, что хорошо прожитая жизнь – это большое счастье.

Сказано: «Когда отец дает сыну, оба смеются. Когда сын дает отцу, оба плачут». Вы так много дали мне, сыновья мои! Я так горжусь вами. Я часто плачу при мысли о необходимости расстаться с вами, но меня утешает твердая вера в то, что вы сможете справиться без меня. Прошу вас, позаботьтесь о мисс Келси.

На прощание я оставляю вам этот сонет. Надеюсь, он утешит вас.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОNET 30

*Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.
Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.
Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!
Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе².*

*Я буду часто-часто думать о вас,
мои дорогие друзья. До встречи!
Аник Кадам*

Когда я дочитала, Рен и Кишан одновременно, словно в знак уважения, превратились в тигров. Моя рука тяжело упала на колени, я молча уставилась в окно кухни. Нилима тихо плакала.

– Почему он ничего мне не сказал? – причитала она. – Я бы поделила его бремя, я бы помогла ему!

– Он берег тебя, – ответила я, глядя ее по спине. – И всех нас.

Просмотрев остальные бумаги, я прочитала вслух расшифровку четвертого пророчества, о которой говорил мистер Кадам.

*Полыхающее небо, вечный пламень преисподней,
Ожидают вас в жилище у Заката и Рассвета.
Вы должны сойти в кальдеру и пройти через горнило,
Гибель ждет неверных сердцем, ложь презревшие —
спасутся.
Кровожадные ракиасы, похитители цилиней,
Рыщут тропами ночными, ищут легкую поживу.
Тяжеск путь до Града света, смерть идет за вами следом,
Но чем ближе цель исканий, тем страшнее испытанья.
В лучезарной светлой Бодхе, граде золота и блеска,*

² Перевод С. Маршака. – Примеч. перев.

*Ждет вас страшный поединок,
беспощадный ждет противник.
Бич пылающий волшебный скрыт в логове зверином,
Стережет его химера, берегут его два брата —
Два коварных и лукавых, изощренных в поединках,
В ворожействе и обмане, в злых забавах и потехах,
Два врага, два властелина,
Повелители стихии, силы пламени Владыки.
Меч и латы, сила духа, храбрость, что сильнее смерти, —
Вот ваш пропуск через Бодху и надежда на победу.
Одолев врага в сраженьи, заберите дар богини
И при помощи волшебной отправляйтесь в глубь столетий.
Там вас ждут судьбы свершеньи и ответ на все вопросы,
Там врага вы сокрушите, там повержен будет демон,
И придет покой на землю Индии многотрадной.*

– «Я хочу дать вам разъяснения по поводу пророчества, – прочитала я. – Я составил список того, что, по моему мнению, вам нужно будет сделать в этом путешествии. Итак, первым делом вы отправитесь на Андаманские острова, где на лодке доберетесь до острова Баррен, крохотного вулканического островка диаметром не больше трех километров. Все координаты острова, как и маршрут к нему, я загрузил в навигатор лодки.

Достигнув острова, вы должны будете подняться на вершину вулкана и спуститься в кратер. Заклинаю вас, будьте предельно осторожны! Спуск в кальдере – очень крутой, а сам вулкан – действующий: в последний раз он извергался в этом году. Остров населен людьми, но вы встретите и других существ, не принадлежащих к нашему миру. Вам придется храбро пройти через пламя, чтобы проникнуть в Бодху, легендарный Город света, лежащий под землей.

Об этом городе и его обитателях известно очень немного, однако у нас есть записанный Уиллисом Джорджем Эмерсоном рассказ норвежского моряка, который сбился с курса, провалился в глубокую дыру возле Северного полюса и попал в неведомый подземный город. Полагаю, что в книге Жюль Верна «Путешествие к центру Земли» также описывается Бодха. В этом случае, если вы помните, путешественники попали в затерянный мир через жерло огромного исландского вулкана.

Если верить пророчеству, то в этом путешествии вы повстречаетесь с Цилинем и ракша-сами. Кто они такие? Цилинь – это чудо-зверь из китайской мифологии. У него голова дракона, рога оленя, а тело покрыто рыбьей чешуей. Если верить мифам, Цилинь – доброе существо, приносящее удачу. Совсем иное дело – ракшасы. Это злобные демоны-людоеды, которые владеют черной магией и умеют менять свое обличье, чтобы обмануть и заманить жертву. При этом они опытные и безжалостные воины, которых очень трудно убить. Берегитесь их ядовитых когтей!

Также остерегайтесь Химеру. Уверен, мисс Келси знает, кто она такая. С виду Химера похожа на львицу с хвостом змеи и второй головой, чаще всего козлиной. Она выдыхает огонь и крайне опасна!

По пути вы повстречаетесь с Владыками огня – вероломными, могущественными и очень жадными братьями-близнецами. Владыки могут сколько угодно пакостить друг другу, но, если они объединятся против вас, все может кончиться очень плохо. Один из братьев вооружен Габулгом, легендарным зазубренным копьем. При ударе наконечник копья раскрывается, ошестиваясь тридцатью острейшими иглами. Единственный способ спастись от этого копья – перерубить его. Второй брат сражается двумя колючими бичами.

Мне не удалось выяснить, кто такие Закат и Рассвет, поэтому советую вам надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. К сожалению, это все сведения, которые я смог для вас собрать. От всего сердца желаю вам удачи».

Нилима всхлипнула, когда я отложила бумаги. Влажный тигриный нос коснулся моей ноги. Рен выразительно посмотрел в сторону лестницы, и я без слов поняла, что он хочет сказать. Пришло время закончить этот долгий день.

Попрощавшись с Нилимой, я устало поднялась по ступенькам, а оба тигра бесшумно шли за мной. Они растянулись на полу моей спальни и зорко следили за мной своими сонными глазками-щелочками. Наконец я легла, закрыла глаза и постаралась навечно запечатлеть в памяти каждую черточку лица мистера Кадама.

Глава 10

Рождение Дурги

В Индии принято оплакивать умершего в течение тринадцати дней, но мы решили ограничиться трехдневным трауром, а затем еще десять дней по традиции поддерживать огонь в светильнике.

Выполняя наказ мистера Кадама побольше узнать о рождении Дурги, я погрузилась в чтение, и вскоре у меня родилась довольно любопытная теория. Во всех рассказах о Дурге упоминалось оружие, поэтому с помощью Рена и Кишана я составила список всего, о чем шла речь. И вот что у нас получилось.

Оружие:

Диск (чакра)

Раковина (камандалу – исцеляющая сила)

Громовая стрела (возможно, дротики, вылетающие из трезубца?)

Стрелы (Золотой лук со стрелами)

Молния (сила молний?)

Колокол (нужен, чтобы вызывать Дургу)

Жезл (трезубец/тришула?)

Топор (лезвие чакры?)

Волшебные доспехи (новое оружие)

Булава (гада)

Сосуд для воды (наверное, тоже камандулу)

Дубинка (опять гада)

Меч (у нас целых два)

Змея (Фаниндра)

Веревка (Огненная вервь)

Драгоценности (Жемчужное ожерелье)

Новые одеяния (Волшебный шарф)

Гирлянда из лотосов (отдали русалке Кэлиоре,

Дурга сказала, что в ней нет никакой силы)

Аркан (Огненная вервь?)

– Насколько я поняла, существует множество версий легенды о рождении Дурги, – сообщила я братьям. – В этой книге говорится, что богиня Дурга появилась из пламени. В других я читала, что она восстала из реки, родилась из ветра, возникла из ослепительного сияющего огненного шара или попросту вышла из глубокой горной пещеры. Еще одна история рассказывает о том, что Дурга была сотворена богами для борьбы с могущественным демоном Махисасурой.

– Ясно, версии разнятся, – подытожил Кишан.

– Да, но что между ними общего?

Я помолчала, но братья не спешили выдвигать гипотезы, ожидая моего ответа.

– Да *амулет* же! – нетерпеливо выпалила я.

– Я не понимаю, – сказал Рен, задумчиво потирая подбородок.

– Нам известно, что фрагмент амулета, который я ношу, обладает силой огня, а, по словам мистера Кадама, его амулет способен перемещать своего обладателя через время и про-

странство. Если предположить, что каждый фрагмент амулета представляет одну из стихий – огонь, воду, воздух, землю и пространство, – то можно сделать вывод, что «разные» версии истории о рождении Дурги просто описывают проявление каждой стихии? – предположила я и показала братьям свои записи об амулете.

Возможные силы:

Рев тигра Дурги сотрясает весь мир (Землетрясение? Амулет земли)

Океаны вскипают, гигантская волна затопляет землю (Амулет воды, или Жемчужное ожерелье)

Могучие горы рассыпаются на тысячи островов (Амулет земли)

Божественное дыхание Дурги создает новые армии взамен павших (Еда/вода/одежда? В любом случае что-то из даров)

Великое пламя распространяется во все стороны (Амулет огня/Огненная вервь)

Горы сдвигаются с мест (Амулет земли)

Дурга заключает армии Махишасуры в столб песчаной бури (Амулет воздуха)

– Допустим, но я все-таки не понял: какая из версий правильная? – спросил Кишан.

– По-моему, все.

– Хм, я тоже хотел кое-что сказать, – вмешался Рен. – Вот в этой книге я прочел описание вулканического острова, очень похожего на тот, куда нас послал Кадам. В книге он называется... Преисподней.

– Правда? – Я даже слегка поперхнулась. – Замечательно, нечего сказать!

– Это еще не самое худшее.

– Правильно! – саркастически заметила я. – Разумеется, я была бы разочарована, если все оказалось бы слишком просто! Значит, впереди нас ждет вулканический остров под названием Преисподняя и битва Дурги с Махишасурой. Если воспринимать эту историю буквально, то получается, что во время битвы у Дурги был целый амулет, из всех пяти частей.

– Отличная теория, – одобрил Кишан. – Правда, в легенде нигде не говорится о перемещениях во времени и пространстве.

– Нет, не говорится. И даже не упоминается о каких-либо таинственных исчезновениях.

– Хорошо, тогда расскажи мне подробно о ходе этой эпической битвы, а я постараюсь представить ее, – попросил Кишан.

– Слушай. Я начну с того места, когда Дурга повстречалась с Махишасурой в бою. – Я быстро перелистала страницы и отыскала нужное место. – Значит так... «Когда богиня верхом на своем тигре выехала на поле битвы, все взоры обратились на нее. Тигр неторопливо шел вперед, воины падали перед ним на колени, будто трава под серпом, а демоны пыхтели, пожирая глазами ослепительную богиню. Дурга была спокойна, безмятежна и бесстрашна. Она шла через полчища лучников, мимо тысяч колесниц и сотен боевых слонов, но никто не посмел ни сойти с места, ни поднять руку на Прекраснейшую, ибо все были повергнуты в прах ее могуществом... Когда Дурга приблизилась к повелителю демонов, ее обступили воины с блестящими боевыми топорами и черными алебардами...» Ой, погодите, а что такое алебарды?

– Представь себе длинное копьё с топором на конце, – объяснил Рен.

– Ага, поняла. «Поле боя превратилось в море крови, но даже багровые волны не могли соперничать с краснотой губ богини и с сиянием ее волос, так ослепительна была она. Пове-

литель демонов влюбился в нее с первого взгляда и объявил, что возьмет ее в жены. Он велел своим воинам схватить богиню, но никто из них даже не догадывался, сколько могущественна была Прекраснейшая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.